

ЯНА ДИН

Таруэт

А ПЛОДИСМЕНТЫ
ТЪМЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЕЗДНА ВЗЫВАЕТ К БЕЗДНЕ

18+

Яна Дин

Пируэт. Аплодисменты тьмы

<https://litres.ru/73130838>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс Калахан

Я научился жить с тенью и болью, которую оставило детство. С тех пор, как я убил отца, чтобы защитить сестру, я боюсь прикосновений и доверия.

Но она – единственная, кто пробуждает во мне то, чего я избегал всю жизнь. Я хочу ее, и я боюсь ее, и я не отпущу ее никогда.

Свет и тьма живут во мне.

Истинное наслаждение в том, чтобы дать им обоим свободу рядом с ней.

Сиена Дэлани

Балет — мой мир, но даже он не способен защитить от страха. И когда в моей судьбе появляется он — холодный, властный, непостижимый принц клана Калаханов — все внутри меня рушится и перерождается одновременно.

Он опасен. Притягателен. Непростителен.

Но самое страшное не он.

В моей жизни появился тот, кто наблюдает из темноты. Тот, кто шлет письма, оставляет следы, дышит мне в спину. Тот, кто видит меня даже там, где не должен.

И чем сильнее сжимается петля, тем яснее одно: каким бы мрачным ни был Алекс Калахан, он — единственный, кто сможет меня спасти.

И единственный, кто способен уничтожить.

Содержание

От автора / Дисклеймер	5
Пролог	8
Часть первая. Запись I	19
Глава 2	45
Запись II	77
Глава 3	79
Глава 4	107
Запись III	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Яна Дин Пируэт. Аплодисменты тьмы

От автора / Дисклеймер

От автора

Я не планировала писать эту историю.

Но она так настойчиво вырывалась наружу, так отчаянно требовала быть рассказанной, что у меня не осталось выбора. Я позволила ей появиться.

Я сомневалась. Стоит ли?

Потому что эта история жестокая. В отдельных моментах — психологически нестабильная. Она не раз удивит и, возможно, выбьет почву из-под ног неожиданными поворотами.

Здесь есть ирландский принц мафии, который становится одержим тобой.

Есть гребаный психопат в маске, который гонится за тобой, не давая передышки.

Есть балет, и он приносит больше боли, чем спасения.

А любовь? Есть ли здесь любовь?

Наверное, я отвечу честно: нет.

Здесь есть одержимость, зависимость, привязанность,

ненависть, страх и боль. Но это точно не любовь.

Понравится ли вам эта история?

Да, если вам близко все, что я описала выше.

Разобьет ли она вам сердце?

Скорее, это будет инфаркт миокарда.

Но я уверена в одном: Алекс, Сиенна и преследователь в маске все равно заполучат ваши сердечки.

Все подробности у меня в тг канале <https://t.me/yanadin1>

Дисклеймер

Данная книга является художественным произведением.

Все персонажи, события и диалоги вымысел автора. Любые совпадения с реальными людьми, местами или ситуациями случайны.

Некоторые факты, обстоятельства и детали были **осознанно приукрашены или изменены** в рамках художественного замысла и не претендуют на документальную точность.

В тексте присутствуют сцены психологического давления, насилия, одержимости и эмоциональной нестабильности.

Также в книге имеются **постельные сцены и откровенные эпизоды**, описанные в художественном контексте и являющиеся частью развития сюжета и персонажей.

Произведение не романтизирует жестокость, преследование или зависимые отношения и не призывает к подобному

поведению.

Книга может быть эмоционально тяжёлой и не рекомендуется для чувствительных читателей.

Пожалуйста, отнеситесь к чтению осознанно.

Пролог

Пируэт это поворот, где красота и потеря равновесия существуют в одно мгновение.

Так и мы, кружимся между любовью и болью, разумом и безумием, пока не потеряем грань.

Посвящение

Тем, кто тянется к психопатам в масках.

Беги, пока можешь. А если он догонит

значит, ты хотела быть пойманной. Дисклеймер к гла-

ве:

Предупреждение для читателя: В данной главе затрагиваются тяжёлые и травмирующие темы, включая домашнее насилие, психологическую и физическую жестокость. Описываемые события носят художественный характер и не являются пропагандой насилия. Читателям с повышенной чувствительностью рекомендуется пропустить данную главу. Сцена приведена с целью раскрытия характера персонажей и последствий пережитой травмы.

Алекс 13 лет

- Я требую развода!

Этот крик разносился по всему дому, как молния, проби- вающая небо. Ада и я наблюдали, как мама держит тарелки, бросая их в сторону отца. Они со стуком разбивались о пол, куски летели, отлетев от стен и мебели. Воздух дрожал от шума, смешанного с запахом ужина и адским страхом, охва- тившим нас. Сердце колотилось так, что казалось, оно вот- вот вырвется из груди, а Ада сжимала мою руку до боли. Я не мог отвести взгляд. Мама кричала, а отец, не отступая, приближался к ней, несмотря на порезы, появляющиеся на его лице.

- А я не даю! - он продолжал приближаться, а мама защи- щаться.

Мы с моей двойняшкой Адой, прижались к стене на лест- ничной площадке, стараясь слиться с тенью.

- Ты ужасный отец, Ронан! Ты чудовище! - мама опроки- нула весь стол.

Я впервые видел в ее небесных глазах столько ярости и ужаса. Белокурые волосы были растрепаны, как будто буря пронеслась по комнате.

- Что ты творишь?! - закричал отец, краснея от гнева, - Очнись, Элис! Ты не сможешь уйти от меня даже если захо- чешь! Думаешь, родители примут тебя обратно? - рассмеял- ся он издевательски. - Ты станешь позором семьи.

- Гребаный извращенец! - мама кинулась к ножу на столе и вытянула руку, направив его прямо на отца.

- Брат, она, - Ада закрыла глаза, прячась в моих объятиях.

Я почувствовал, как она дрожит, и крепче обнял, пытаюсь успокоить.

Я не мог вымолвить ни слова. Глаза сами бегали по блестящему металлу ножа. А отец стоял в конце гостиной, тяжело дыша, готовый разорвать все вокруг.

- Она - твоя дочь, Ронан! - крик мамы разорвал тишину. - Как же ты можешь так поступать, сумасшедший!

Она ринулась на него, но каждый шаг казался бесполезным. Отец перехватил руку мамы, когда она пыталась ударить, вырвал нож и толкнул так, что мама рухнула на пол. Край стола рассек ее лоб, и ярко-алая кровь тут же капнула на плитку.

- Мама! - вырвалось у меня, и я бросился вперед, оставляя Аду в укрытии. Слезы катились по ее щекам, а тихие всхлипы заставляли сердце разрываться от боли.

Отец выбросил нож в сторону, присел рядом с мамой и схватил за волосы. В воздухе повисло напряжение, гнетущая тишина с хриплым дыханием отца и гроыхающим сердцебиением в моих ушах. Я замер, осознавая, что секунды решают всё.

- Я выгоню тебя сам, - цедил отец, злорадно улыбаясь.

Мама смотрела на меня, застывшего в нескольких шагах. Одним лишь взглядом она дала понять: не подходи.

- Но детей я тебе не отдам, - закончил отец.

И тогда мама закричала. С отчаянной, звериной яростью вцепилась ему в лицо, царапая, будто в последней попытке

вырваться.

- Ах ты сука! - рявкнул отец и замахнулся.

Пощечина. Еще одна.

Мама начала терять силы.

Папа потащил ее к выходу. Капли крови стекали с ее головы на паркет, оставляя жуткие, тянущиеся следы. Я кинулся за ней, крича, захлебываясь слезами, умоляя остановиться.

- Оставь маму! Пожалуйста! Я прошу!

Но он даже не посмотрел на меня.

- Я приду за вами, Алекс, - едва дыша, прошептала мама. - Береги сестру. - она посмотрела на мужа. - Береги ее от него. Береги Аду, мой мальчик.

Мы дошли до парадной двери. Я цеплялся за мамины руки, бил отца кулаками, но он резко оттолкнул меня. Я упал на пол.

И тринадцатилетнему мальчику не осталось ничего, кроме как смотреть.

Отец вышвырнул маму за порог и повернулся к охране дома. Оуэн и Тайг шокировано посмотрели на свою госпожу, затем на меня.

- Выгоните ее, - скомандовал отец. - Если она появится здесь еще раз, буду спрашивать с вас.

Он снова посмотрел на маму и растянул губы в злорадной ухмылке:

- Только попробуй открыть рот, моя милая женушка, и ты будешь страдать всю свою жизнь.

Папа захлопнул дверь, погружая нас в гнетущую тишину дома. За дверью мама продолжала кричать, но наши парни увели ее и выставили за территорию.

Отец посмотрел на меня. Я сжал ладони до боли, глаза налились ненавистью, и ринулся на него с кулаками, сбивая с толку. Но, конечно, я ничего не мог сделать. Я был маленьким, едва державшим пистолет в руках подростком.

- Ненавижу тебя! Ненавижу! - кричал, сдерживая слезы.

Отец схватил мои руки и одним движением заблокировал все атаки, ведя к чулану под лестницей.

- Видно, давно ты не был наказан, - папа открыл дверь и толкнул меня на пыльный пол. - Подумай над своим поведением, Алекс. Каллаханы не ведут себя истерично.

Чулан закрылся, оставив меня в темноте. Лишь через щель под дверью пробивался тусклый свет, но с наступлением ночи он исчез окончательно.

Я тихо постукивал по паркету, пытаюсь не сойти с ума, и старался дышать ровно. Чаще всего в таких закрытых пространствах у меня начинается паническая атака.

В особняке воцарились тишина и мрак. Служанки, убрав весь хаос, тоже ушли. *Никто мне не помог.* Никто не осмелился бы пойти против отца.

Я не мог оставаться там долго. Грудную клетку сжимало от нехватки кислорода, а темнота пугала все больше. В ней мерещились чудовища.

И еще крики.

Ада. Они принадлежали ей.

Я не выдержал. Начал выламывать дверь, ударяя по ней ногами. Снова и снова, пока удары не отозвались глухим треском. Дерево не ломалось, но петли закрипели. Навалился всем телом, в ход пошли руки. Металл скрипнул, что-то хрустнуло, и дверь сорвалась с петель, открывая мне проход.

Рухнул на пол, жадно вдыхая воздух. Стерев слезы, стекающие по щекам, поднялся и направился к лестнице на второй этаж, откуда доносились крики.

Этот дом подарил нам Дадео. Он стоял на окраине Дублина, в маленькой деревне Howth, среди леса и холмов, с видом на залив. Мы жили здесь временно, пока Дадео не передаст управление кланом отцу.

Мне никогда не нравился этот дом. С переездом сюда папа изменился. Он стал чаще кричать, срывать, поднимать руку на маму. Раньше Дадео никогда не позволял ему такого.

Сердце бешенно колотилось, а ноги дрожали сильнее с каждым шагом, приближая меня к комнате Ады.

Коридор был наполнен её криками и хриплым голосом отца, каждый звук сжимал грудь и заставлял кровь стучать в висках.

- Пожалуйста, папа! - кричала Ада. - Ну прошу тебя! Не делай так больше! Мне страшно, - крики смешивались со всхлипами и рыданиями.

Папа лишь хохотал, а его слова растворялись в воздухе, становились непонятным гулом.

Дверь была приоткрыта. Я подошел медленно, и нахмурился. Разум отказывался принимать то, что видел, и в голове закружилось глухое, холодное ощущение страха.

Звук криков, смешанных со слезами, пронзал меня насквозь, и я не мог пошевелиться. Все вокруг стало странно нереалистичным, словно я смотрел на происходящее через треснувшее стекло.

Отец нависал над Адой, прижимая к кровати. Она пыталась вырваться, сжималась, как могла, но была слишком слаба. Я не видел ее лица за его массивной фигурой, но навсегда запомнил это ощущение беспомощности. Ее и своей.

Хотелось закричать, позвать на помощь, но ничего из этого не выходило. Я тихо отошел от двери и направился к концу коридора, в кабинет отца. Войдя, сразу подошел к коллекции его кинжалов.

Каждый из них с инициалами на рукояти. В наборе было четыре, я взял два, по одному в каждую руку, и двинулся обратно к комнате Ады.

Дадео всегда говорил: мужчина не должен сомневаться в своих действиях.

Мама повторяла: защищай Аду.

Я не сомневался. Я должен ее защитить.

Подойдя к двери, тихо открыл, задержав дыхание.

- Тише, тебе понравится, - жадно шептал отец, будто вот-вот и задохнется.

Перешагнув порог, почувствовал резкий запах табака и

алкоголя. Он висел в воздухе, душил, будто сам дом был пропитан этим смрадом.

Иzza слез и криков Ады отец не услышал моих шагов.

Ноги перестали дрожать. Все внутри словно застыло и одновременно загорелось. Руки крепко сжимали холодные, тяжелые рукояти кинжалов, их золото тускло поблескивало в лунном свете, пробивающимся сквозь занавески.

Я подошел к нему со спины.

И, не позволяя себе ни мысли, ни сомнения, ударил.

Сразу же отступил назад, чувствуя, как мир вокруг резко качнулся.

- Черт! - закричал отец и спрыгнул с кровати.

Я все еще держал второй нож, когда он повернулся и увидел меня. Его голубая рубашка потемнела, напитываясь кровью. Он пошатнулся.

Я смотрел прямо ему в глаза. Без слез. Без дрожи. С ненавистью и пугающим спокойствием.

Ада забилась в угол кровати, беззвучно плача, словно боялась выдать себя даже дыханием.

- Ах ты сукин сын, - выдохнул отец, прижимая руку к ране.

- Ты щенок, я

Он шагнул ко мне, и пощечина сбила меня с ног.

Во рту вспыхнула боль и появился мерзкий железный привкус.

Отец опустился рядом, вцепился в воротник моей футболки.

- Мелкий гаденыш! - шипел он, слова срывались, голос был хриплым и чужим. - Как ты посмел!

Удар. Потом ещё один.

Я стиснул зубы, чувствуя, как внутри что-то окончательно ломается.

Снова.

Снова.

И снова.

Отец был слишком пьян, чтобы заметить второй нож. Из последних сил сжал рукоять и громко срываясь на крик, нанес еще один удар. Теплые брызги ударили мне в лицо, и я отшатнулся.

Глаза отца вылетели из орбит. Его хватка ослабла, а тело начало обмякать. Я чувствовал это тепло от жидкости, металлический запах, и тошнота подступала к горлу. Отец закашлялся, захрипел, а затем замолчал, глядя в потолок пустым, стеклянным взглядом.

Перед глазами все поплыло. Ада плакала и кричала, а в моем сознании ясная картина: *как он нависал над ней, не слыша слез и мольбы, лишил ее возможности сопротивляться, как разрушал все, что должно было быть защищено.*

Наш папа.

Папа.

Монстр.

Закричал еще громче, подобно животному. Оседлав отца,

вцепился в нож и вонзил снова. А потом еще, еще и еще. Пока его голубая рубашка не потеряла свет, и я не пропитался кровью.

Я наносил удары.

Раз за разом.

Раз за разом.

Просто крича, словно сошел с ума.

А потом меня силой содрали с остатков тела крепкие руки дедушки.

- Алекс! - кричал он, но я не разбирал слов.

Я продолжал кричать, выбираясь из хватки и бросаясь на отца снова и снова. Дадео выволок меня из комнаты. Он крепко сжал мое лицо и заставил смотреть на себя.

Я увидел маму. Она забежала в комнату к Аде, глаза ее были широко раскрыты от ужаса, руки дрожали, а губы тряслись. Она пыталась сказать что-то, но слова застряли в горле, только взгляд кричал о сожалении и страхе. Тело отца лежало на полу. Все в крови, как и я.

- Посмотри на меня, Алекс, - шептал Дадео, едва дыша.

Я нашел его глаза. Темно-зеленые, впервые наполненные ужасом.

- Алекс, - продолжал Дадео, - всё прошло, я рядом, - его голос возвращал меня в реальность. - Дадео рядом. - он всеми силами пытался удержать меня от того, чтобы я не смотрел в сторону мертвого отца. Крепко обнял и прижал к груди.

Я испачкал его кровью. Я весь был в этом ужасе. С ног до светлых волос. И тогда закричал ещё громче.

Дадео крепко прижал меня к себе, когда я начал вырывать свои волосы.

- Прости прости меня, внук, - ломался его голос. - Прости, Алекс.

Я видел маму через дымку страха и слез. Она сжимала Аду так, будто могла защитить ее всем телом. Она была рядом и одновременно казалась такой беспомощной.

Дальше я не слышал ничего. Связь со всем миром обрывалась.

Тот день стал концом моего детства. Я больше не помнил Алекса, который когда-то пытался не думать о смерти.

Двадцать восемь ножевых ранений.

Я убил его.

Собственного отца.

28.

Двадцать восемь ножевых ранений.

Часть первая. Запись I

Septem dies ad insaniam

Тик-так.

Так-так.

Тик-так.

Так раздражает.

Я хочу выбраться из этой комнаты. Хочу показаться миру, но тогда он узнает обо мне. Тогда тогда...тогда мне конец. Моему плану конец. Я не смогу отомстить.

Я должен сохранить это в тайне ото всех.

Она моя тайна. Она.

Хочу попробовать ее.

Ее запах. Какой он?

А какого оттенка ее кровь? Какой у ее крови вкус?

Ох, мне хочется, чтобы она была моей.

Моя? Хах, звучит как вызов.

Странно.

Она заставляет думать меня о побеге с этого гребаного места. Зачем же она появилась здесь? Зачем вступила на мою территорию?

Она сама виновата. Сама.

Ты заставила меня, Il mio dolce caos

Глава 1 Алекс Каллахан

Моя жизнь всегда была шахматной доской. Поле боя, где одна заминка, и ты уже выбыл из игры. Здесь не прощают промахов, не дают второго шанса. Просто объявляют шах.

Мы жили среди фигур, что двигались по нашим правилам. Когда-то я различал черное и белое, но с годами цвета смешались в сплошное серое. Теперь я просто играю, зная, что финал один. Мат, поставленный самой жизнью.

Шахматы никогда не были просто игрой.

Каждый человек как фигура в наших руках: пешка, которую можно пожертвовать, офицер, которому доверяют чуть больше, или ферзь. Та, кто решает исход.

У нас с Дадео одна логика. Просчитывать ходы наперед и бить там, где не ждут.

Он прищурился, двигая ладью, и его голос прозвучал спокойно:

- Никогда не ставь короля под угрозу ради красивого хода.

Я улыбнулся. Мы оба знали, что иногда именно красивый ход выигрывает войну.

- Каждый ход - выбор. - немного улыбнулся и кинул взгляд на бескрайние воды впереди.

Мы с Дадео часто забирались на склон над Хоутом. Тот самый, где ветер пахнет солью и гул моря слышен даже сквозь мысли. Земля там принадлежала нашей семье, и дед любил

говорить, что это наш личный кусочек неба над Дублином. Мы ставили шахматную доску прямо на камень, и фигуры то и дело пытались сбить ветер. Но Дадео только усмехался: «Пусть, Алекс, ветер тоже делает свой ход».

- Каждая фигура ведь часть твоей жизни, Алекс - продолжил Дадео, - Иногда, чтобы выиграть
- нужно пожертвовать тем, кого любишь, - закончил я.

Эти слова я слышал на протяжении десяти лет каждую партию. С тех самых дней, когда Дадео забрал меня из того проклятого дома.

Я сделал вид, что задумался.

Пальцы коснулись ферзя, тяжелого, холодного, будто из свинца. Фигура скрипела под моими кожаными перчатками. Дадео внимательно следил, не отрывая взгляд.

Этот ход я вынашивал с самого начала партии. Если рискну, дед попадетсЯ. Если нет, просто стану очередной пешкой, как все остальные в его жизни.

Но, в конце концов я сделал свой ход.

- Ты опять торопишься, - произнес Дадео, не поднимая глаз от доски. Его пальцы неспешно скользнули по деревянным фигурам. - В жизни и в игре одно и то же: поспешишь, останешься без защиты.

- Иногда атака лучшая защита, - ответил я, передвигая ферзя на f6. - Нос me docuisti^{4*}.

Он слегка усмехнулся, но карие глаза оставались холодными.

- Я учил тебя считать, Алекс, а не надеяться на удачу.
- Это не удача, - наклонился вперед, глядя прямо на него.

Волны ударились о скалы. Наши телохранители стояли поодаль, тоже наблюдали за игрой. Это был наш обычный ритуал с Дугласом Каллаханом. В конце концов, у нас были только мы.

Я, он и Лиам. Вся наша семья.

- Это стратегия. Если ты сейчас пойдешь конем, потеряешь ферзя, - закончил я.

- Правда? - Дуглас поднял взгляд, и уголки его губ дрогнули. - Тогда смотри внимательно.

Он сделал ход конем.

Все. Мой король оказался в ловушке, словно кто-то перекрыл путь дыханию.

- Шах, - спокойно сказал он, а потом самодовольно добавил, - и Мат.

Я опустил взгляд на доску, молча просчитывая варианты. Не было ни одного выхода. Спертый мат - самая жестокая форма поражения: когда бежать некуда не из-за врагов, а потому что свои стоят слишком близко.

- Видишь, внук, - продолжил он, - Сила не в красивом ходе. Сила в том, что ты видишь на три хода дальше своего противника.

- Или просто старше на тридцать лет, - буркнул я, снова отвернувшись к воде.

Он усмехнулся, не споря.

- Может быть. Но даже тогда, Алекс, запомни: опыт - это не возраст. Это количество проигранных партий, из которых ты сделал выводы.

Он щелкнул пальцем по королю, сбив его с доски.

- Мат.

Молча улыбнулся, принимая поражение. Доска между нами снова стала полем, где я проиграл не игру, а усвоил урок. Хотелось вставить слово, и продолжить игру, когда нас перебил один из приближенных. Он подбежал к нам.

- Мистер Конселло прибыл.

Дадео кивнул, и аккуратно встал с камня, на котором мы сидели. Я помог ему подняться и взобраться на склон. Прямо у обрыва нас ждали два стула, а вдаль виднелась черная иномарка. Дадео шел медленно, опираясь на трость, но уверенно.

Странно осознавать, как быстро на твоих глазах старел самый важный человек в твоей жизни. Дуглас Каллахан вырастил меня и поставил на ноги. Я всегда помнил его сильным, влиятельным и ни разу не сломленным. А сейчас, с возрастом, его силы иссякали, но он все еще занимал должность Босса. Уже пару лет после моего двадцатилетия Дадео хотел отдать трон мне, но я был против.

Сейчас я не хотел становится им. *Мне нужно время.*

Мы встали у самого обрыва, глядя на бескрайнее море, волны которого бушевали, разбиваясь о скалы.

Все прекрасно понимали зачем Даниэль Грассо Конселло,

Босс крупного клана «Corvi» в Синдикате пожаловал в Дублин. Его племянница Нера, была обещана моему младшему брату его мерзавцем дядей, когда тот захватил власть. Дадео дал согласие взамен на долгосрочный союз. Очевидно, Даниэля это не устраивало, как и меня в целом.

Лиам был самым младшим в семействе. Он появился на свет спустя несколько месяцев после самых ужасных событий в нашей семье. И, конечно, как это всегда бывало, Дадео хотел укрепить связи и был не против породниться с семьей Конселло, даже если через много лет, ведь Нера Конселло была еще совсем мала.

Меня эта участь с браком прошла мимо, ведь Дадео знал последствия такого вмешательства в мою жизнь. Очевидно, что именно Лиам стал его пешкой в семейных интригах в свои почти десять лет. Я не хотел, чтобы младший брат был закован в гребаные традиции нашего мира.

- Ты же понимаешь, что война нам сейчас не нужна, - сказал я, пока машина нашего гостя подъезжала, - Откажись от этого союза.

Губы Дадео дрогнули в ироничной улыбке.

- Даже если не откажусь, мы будем правы в своих условиях. Договор был составлен и не может быть аннулирован, если кто-то из двух сторон против.

Спрятал руки в перчатках в карман своего черного кашемирового пальто. Ветер раздувал волосы и заставлял шуриться. Сделал глубокий вдох, когда Дадео продолжил:

- Но я дам право выбора тебе, внук. Последнее слово за тобой.

Он повернулся в сторону прибывших гостей.

Я стоял чуть позади деда. Пальцы едва заметно касались кольца. Старая привычка, когда нужно сохранять контроль. В такие моменты важно даже то, как ты дышишь. Одно неверное слово, одно лишнее движение, и вместо переговоров будет стрельба.

Даниэль шел спокойно, уверенно, ведь ему нечего было терять, или он хотел, чтобы так считали остальные. Его шаги были отточены. Он был из тех, кто умел смотреть прямо в глаза и не моргать. Даже воздух вокруг становился тяжелее, когда он приближался.

Я наблюдал за ним, не отводя взгляда. Его нельзя недооценивать. В конце концов, это же Даниэль Грассо Конселло. Бастард, который выбил себе путь на трон итальянского клана.

Костюм на нем сидел идеально. На запястье поблескивали часы, как напоминание, что у времени есть хозяин, и этот хозяин - он.

Но я тоже не из тех, кто склонял голову. Мы шли друг к другу. Две династии, которые не считались врагами, но и друзьями не были.

Он изучал меня, как шахматист, оценивающий фигуру на доске, прежде чем сделать ход. Но я не обманываюсь. В его взгляде живет усталость, та, что появлялась у людей, ко-

торым пришлось слишком многое потерять. Я узнавал этот взгляд, ведь видел его, каждый раз смотря в зеркало.

Наконец мы оказались напротив друг друга.

- Не знал, что ты умеешь восставать из мертвых, Конселло, - хрипло усмехнулся Дадео, протягивая руку.

Они обменялись крепким рукопожатием. Я шагнул ближе, не сказав ни слова и тоже пожал руку Даниэля. Не нужно слов, когда все уже сказано раньше.

Ветер гнал соленый воздух прямо с обрыва. Волны били снизу, как аплодисменты этому безмолвному спектаклю. Даниэль коротко взглянул на меня. Почти оценивающе. Я не отвел взгляда. Он пытался понять, кто я: враг, наследник или просто молчаливая тень своего деда.

Пусть гадают.

- Твой дядя был вполне серьезен, когда говорил, что тебя убили суки Гамбино, - произнес дед, нахмурившись.

Я заметил, как напряглась линия плеч у Даниэля. Все мы были поражены новостью о том, что Даниэль мертв и его место занял его дядя Карло. Однако, как оказалось, Конселло и вправду живучая тварь. И его так называемая «смерть» действовала как триггер.

Я отметил это. Мелочь, но важная: боль - лучший индикатор слабых мест.

Мы сели. Дадео устроился в своем кресле, будто на троне, а я занял место рядом. Даниэль не сводил с нас глаз, и я чувствовал в этом взгляде не только любопытство, но и вызов.

Он пришел не просто говорить, а напомнить, что, ещё жив.

Этот человек был угрозой, но не хаотичной. Он играл в долгую партию. А я должен решить, чью игру поддержать.

- Карло пообещал девочку моему второму внуку, - Дадео сделал несколько затяжек, и слова его повисли между нами.

Я почувствовал, как все застывает. Губы Даниэля дрогнули. Он сдержался, но по глазам было видно: за этим спокойствием горело пламя.

Он ответил спокойно, но в его голосе скрывалась злость.

- Карло мертв за предательство. Ты прав, я пришел решить это недоразумение и обговорить соглашение. Ты, как никто, понимаешь меня.

Я чуть склонил голову. *Недоразумение?* Хорошее слово для кровавых дел.

Я видел, как дед выдохнул дым, лениво, будто знал наперед, что ответит.

- Конечно понимаю, дитя. Но тебе все же нужна наша помощь? - в его голосе была издевка. Старый лис знал, как дергать за нужные нити.

А я наблюдал. Считал дыхание, реакции, мелкие детали.

Даниэль пришел не просто просить. Он пришел проверить и оценить почву. Мы, Каллаханы, всегда были самых тихие. Но это не значило, что мы слабые. Мы играли в свою партию и делали ход в самый подходящий момент. И сейчас нам нужно решить, будет ли наш ход выигрышным или мы потерпим крах.

Но я не собирался давать ответ сразу.

Пусть думает, что все решает Дадео. Пусть не видит, как на самом деле решения проходят через меня. И тут Дуглас перевел разговор на меня.

- Как видишь, я человек уже старый, поэтому это решение отдал своему внуку, - дед указал в мою сторону. - И последнее слово за ним.

Последнее слово.

Они все знали, что я не говорю лишнего. Когда я молчу, люди нервничают. Когда я говорю, начинают бояться.

Я посмотрел на Конселло.

Его глаза были усталыми, но не пустыми. Там горел огонь. Опасный, упрямый.

И все же Я видел в нем человека, а не только врага. Может, поэтому я и не стал рушить все сразу.

- Через несколько дней открытие моего театра, - наконец произнес, поднимая взгляд. - Приходи на него, Конселло.

Пауза. Ветер усилился, швыряя в нас соленые брызги.

- Будут выступать балерины. Их учительница, Андреаразве не твоя бывшая жена?

Я сказал это спокойно. Без улыбки, без угрозы.

Показал границу.

Андреа Конселло, сейчас значившаяся под фамилией «Перри» приехала в наши края пять лет назад. Ни одна живая душа не поселилась бы на нашей территории без проверки. Конечно я сразу узнал в ней королеву Итальянского До-

на. Но не торопился раскрывать ее тайны, хотя с легкостью мог, когда ее искали люди Даниэля.

Его лицо едва заметно изменилось. В нем что-то хрустнуло.

Я нашел его больное место.

Он сжал кулаки, на грани сорваться.

- Верно, - ответил, откашлявшись. - Только вот ты ошибся в одном: Андреа все еще моя. И я с удовольствием повешу головы её обидчиков на свой забор. Знаешь, в качестве сувенира. Чтобы другие знали: нельзя трогать моё.

Он встал и ушел, застегнув пальто.

Я смотрел ему вслед. Спокойно и без ненависти. Просто запоминал походку, ритм шагов. Он все сказал правильно. Я ошибся.

Именно так говорят люди, у которых действительно есть, что терять.

Я остался сидеть. Море ревело внизу.

Дадео курил, не говоря ни слова.

А я думал. О театре. О встрече. О том, что все только начинается. И я либо начну войну с Итальянцами, либо получу союзников в их лице.

Мы с Адой родились в один день с разницей всего в семь минут. Но я всегда считал себя старшим братом. Тем, кто обязан защищать. Даже ценой собственной жизни.

И мог ли я представить, что однажды потеряю свою сне-

жинку?

Прошло пять лет. Пять проклятых лет, а тот день по-прежнему стоит перед глазами так ясно, будто все произошло вчера. День, который забрал у меня Аду. *Навсегда.*

Она была светом в те моменты, когда вокруг оставалось лишь серое, выцветшее полотно. Ее улыбка умела оживлять воздух, а смех звенел, как колокольчики. Чисто, легко, по-настоящему. И даже после того, что с ней сделал наш мерзавец отец, Ада продолжала жить. Продолжала улыбаться.

Она была самым сильным человеком, которого я когда-либо знал.

Балет стал для нее всем. Воздухом. Якорем. Спасением.

В нашем особняке музыка звучала всегда. Не проходило ни дня без танца. В балете Ада пряталась от воспоминаний, от боли, от реальности. Я знал это. И потому делал все возможное, чтобы никто и ничто не смогло отнять у нее этот мир.

Именно поэтому я построил театр в ее честь.

Место, где ее имя никогда не исчезнет. Где оно будет жить в каждом движении, в каждом звуке, в каждом вдохе сцены.

Имя моей сестры будет увековечено здесь. Даже если мое со временем сотрут.

Стоя перед портретом, смотрел ей в глаза - глаза, которые сверкали жизнью, но в самой глубине зрачков таились монстры. В этом мы были с ней похожи.

Монстры жили в нас всегда. Они въелись под кожу, пу-

стили корни, вцепились когтями в кости и во все живое, что еще могло в нас уцелеть. Они дышали вместе с нами, росли внутри нас, не давая забыть.

Именно эти монстры никогда не позволят стереть из памяти то, что нас сломало. *Отца*. Человека, который должен был быть опорой и защитой, но стал нашим кошмаром.

И он забрал мою Аду. *Мою двойняшку*.

Люди проходили мимо, направляясь в зал торжества. Дадео встречал званных гостей, а я все не мог отойти от портрета Ады. Я писал его пять лет. Срок огромный, почти невыносимый, но именно сейчас понял: если бы не эта картина, я бы давно сошел с ума.

Взгляд опустился к прозрачной стеклянной коробке, где покоились пуанты Ады. Ее любимые, те самые, что я подарил перед самым важным выступлением.

- Это самое малое, что я мог для тебя сделать, снежинка, - прошептал, не отрываясь от ее взгляда.

Гости уже собрались в зале. Дадео тоже был там. Я остался один в фойе, пока не обернулся и не увидел, как открывается дверь и входит Даниэль. На нем был неизменный черный костюм, рубашка небрежно расстегнутая у ворота, галстука не было вовсе. В нем чувствовалась та самая буря от которой невозможно предугадать, что ждать в следующий миг.

Наши взгляды встретились, и на его губах заиграла фальшиво-вежливая улыбка. Я лишь хмыкнул и пошел ему навстречу. В конце концов, не подобает не встретить гостя.

Я первым протянул руку для рукопожатия.

- Доброе пожаловать в театр «Хрусталь».

Даниэль Конселло учтиво кивнул и пожал мою руку в ответ. Он даже не заметил мои перчатки, удерживая взгляд. Люди обычно обращают внимание на них, мои кожаные перчатки, которые я никогда не снимал на людях.

- Смею признать, что это стоит уважения, Алекс, - кивнул Даниэль, оглядывая стены, покрытые мрачными фресками, где темные сцены прошлого словно наблюдали за каждым шагом в зале, а потом его глаза остановились на картине Ады.

Мы оба повернулись к ней, но краем глаза я следил за реакцией итальянского Дона.

- То, что произошло тогда, - начал он, но я его перебил.

- Моя сестра умерла не для того, чтобы я развязал войну. Она бы точно не одобрила. А я не действую опрометчиво.

- Я понимаю, что ты чувствуешь. Я потерял своего брата, как и ты свою сестру. Но я не славлюсь великодушием, Каллахан, - Даниэль скрестил руки за спиной, - Диего доверил мне свою семью, особенно Неру. И не сомневайся, что я начну войну, если понадобится.

Я оставался невозмутим, даже услышав прямую угрозу. На фоне играла музыка, что вовсе не подходила под наш разговор, который с вероятностью в девяносто процентов мог закончиться смертью одного из нас.

- Желаешь аннулировать помолвку? - кинул я.

- Желаешь начать войну? - хмыкнул Даниэль.

Губы прорезала ухмылка. Мы оба пытались подключить провокацию. И оба бились словами. Но я уже знал, чего хочу и как закончу это дело.

- Чего именно ты хочешь, Конселло?

- Нера не выйдет замуж за твоего брата.

- Тогда дай мне причину, почему я должен согласиться на это.

Даниэль прекрасно знал, что все не будет так просто. В наших кругах ничего не делалось за красивые глазки. Каждое решение имело свой вес и последствие.

- Назови цену, - кивнул Конселло.

- Я назову ее, но только когда мне понадобится, - хитро посмотрел я, - А сейчас ты можешь быть уверен, что помолвка будет аннулирована.

Мы оба направились в сторону зала торжества.

- Хочешь, чтобы я поверил тебе на слово? - приподнял Конселло густую бровь.

- Слово чести для нас все, и ты знаешь это. И, если ты не уверен, просто знай, что пять лет твоя жена жила на нашей территории, и она осталась цела и невредима. Если бы я хотел тебе навредить, Конселло, я бы сделал это еще пять лет назад.

Услышав о бывшей жене, Даниэль напрягся и внезапно набросился. Ладони сжали лацканы моей рубашки, прижимая к стене. Смех из моей груди вырвался сам собой, су-

масшедший и дикий. Чувствовалось, как едва сдерживаемая ярость готова прорваться. Каждый вдох мог превратиться в смерть. Страх и адреналин смешались, обжигая изнутри.

Охрана среагировала мгновенно. Два парня уже бежали к нам с оружием, но я поднял руку, останавливая их. И они застыли.

- Не смей прикасаться к моей женщине, Каллахан, - свирепо процедил Конселло, - В противном случае я закопаю тебя на дне океана.

Наконец мой смех затих.

- Успокойся, Конселло, - похлопал его по плечу, и он резко отошел, восстанавливая дыхание, - Меня не привлекают чужие женщины. Не мой стиль.

Поправив рубашку, мысленно улыбнулся.

Даниэль Грассо Конселло явно не понимал, что нельзя мне что-то запрещать. Это всегда заканчивалось тем, что я делал наоборот.

Мы оба направились к нашему столику, где ждал Дадео. Он встретил гостя спокойно, без лишней суеты. Все были в сборе. И как только в дверях зала появилась Андреа, я заметил, как взгляд Даниэля не мог оторваться от нее.

Никто точно не знал, что произошло между ними пять лет назад, почему королева «Corvi» сбежала из страны и поселилась у нас. Но я был уверен: для Даниэля она небезразлична. И, похоже, Андреа тоже не собирается сдаваться. Он приехал к нам не только для того, чтобы отменить помолвку

своей семилетней племянницы.

Наконец основной свет в зале погас, и внимание присутствующих перешло на сцену, где нас ждал мэр Тирнан. Он улыбочиво смотрел на зал, пока мы с Дадео поднимались со своих мест.

Для публики Тирнан был безупречной фигурой на доске. Аккуратной, выверенной, всегда стоящей там, где его ждут. Но для нас он был всего лишь пешкой. Красиво отполированной, с уверенной походкой и речами, заученными до последней паузы, но все же пешкой, которую двигали чужие руки.

Его можно пожертвовать без сожаления, если партия потребует крови или отвлечения. Для меня Мэр был фигурой второго плана, необходимой, но не решающей. Он закрывает короля от первого удара и принимает его на себя, если доска вдруг вспыхнет хаосом.

Мэр Тирнан считал себя игроком. Но в нашей партии он даже не знал, кто держит часы.

Я встал напротив микрофона и осмотрел зал. Театр, который теперь будет хранить память о моей двойняшке.

Ада

Имя отозвалось внутри болью.

Столько лет прошло, а я все еще слышу ее смех, как будто она где-то рядом, за кулисами, вот-вот выбежит на сцену и скажет, что я слишком серьезен. Что нужно улыбнуться.

Но я не могу.

С тех пор, как ее не стало, улыбка стала чем-то вроде предательства.

В зале мгновенно стихло. Люди обернулись, внимательно следя за каждым моим действием. Металл микрофона холодил пальцы даже через перчатки. Он напоминал мне её руки. Ледяные и лишённые жизни, когда я держал их в тот последний день.

- Моя сестра, Ада Каллахан, с пяти лет занималась балетом, - произнес я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - Однажды она пришла ко мне и сказала, что, когда вырастет, открывает свой театр.

Люди слушали внимательно. Они не знали, что за этой фразой скрывалась целая жизнь. Что каждый вечер она репетировала до боли, пока кровь не проступала сквозь пуанты. Я всегда сидел в зале и ждал, пока она закончит.

- Она так горела этим желанием, - продолжил, не отводя взгляда от пустоты впереди. - И я знал, что она сможет. И Ада смогла.

Молчание.

Покачал головой. Перед глазами всплыло её лицо. То самое, в зеркале танцевального зала. Глаза полные света. Та девочка, что всегда улыбалась, даже когда ей было больно.

- Я сделал это для тебя, снежинка, - сказал тише.

Сцена, свет, взгляды. Все это стало неважным. Я спустился вниз, чувствуя, как с каждым шагом уходит сила. Даниэль встретил наполненным бокалом виски, не говоря ни слова.

Я взял, сделал глоток и горечь напитка смешалась с привычным вкусом утраты. Ненавидел алкоголь, но сейчас я нуждался в этой дряни.

Дадео говорил что-то официальное, мэр благодарил, звучали аплодисменты. Все это проходило мимо.

Ада любила свет, но ушла в темноту. И с того дня часть этой тьмы живет во мне.

Когда театр был официально открыт, прозвучала первая композиция.

Я уже знал, чего хочу.

Я наблюдал за ней некоторое время издалека. Она мягко улыбалась. И в этой улыбке было что-то опасное. Она знала в какую партию играла. И точно была игроком. Уверенно направился к Андреа, предвкушая свой ход.

Она стояла спиной, и я коснулся ее плеча через силу. Сквозь кожу перчаток чувствовалось тепло. Она содрогнулась, и это мгновенно вызвало едва заметную усмешку в уголках моих губ.

- Не хотел напугать вас, - произнес спокойно.

Голос, как и всегда, был холоден. Не потому, что я хотел показаться таким. Просто по-другому уже не умел.

Девушка повернулась, взглянула прямо в глаза. И замолчала.

Правильное решение.

Молчание порой говорит больше слов.

Я протянул руку.

- Подарите мне танец?

Даже не удивлен, что она сразу посмотрела в сторону Даниэля. *Конечно*. Он стоял там, держа в руках стакан виски, будто это скипетр.

Ревность. Она пронизывала его до костей.

И потому, когда она вложила ладонь в мою, понял, что выиграл. Она точно игрок. И совсем недооцененный.

- Ведите, - кивнула Андреа.

Игра началась.

Мы вышли в центр. Музыка текла плавно, но между нами уже чувствовалось напряжение. Свои цели были не только у меня. Андреа играла не менее расчетливо. Эта женщина умела управлять толпой и Даниэлем так же легко, как телом.

Меня поразило другое: сходство. Их присутствие ощущалось одинаково. Холодное, выверенное, почти зеркальное. Андреа знала, как держать короля на коротком поводке.

Положил левую руку ей на талию, чуть ниже, чем нужно. Провокация была лучшим ударом для вспыльчивого человека, как Конселло.

Даниэль должен был это видеть.

Я чувствовал его взгляд. Колючий, раздраженный, почти звериный.

Андреа подняла глаза.

- Зачем вы выводите его из себя? - спросила тихо, прищурившись. - Вы же не просто так пригласили меня на танец?

Я все-таки посмотрел на нее. Андреа Конселло была кра-

сивой женщиной. Благородной и под стать своему трону, который все еще пустовал.

- А почему я не могу позвать просто так? - выгнул бровь. Она усмехнулась.

- Брось. Ты точно не из таких. Мы оба знаем правила этого мира. Ты не вправе был даже смотреть на меня, не то, чтобы танцевать и так смело распускать руки.

- Брось, - отразил ее слова, прокручивая вокруг пальца. - Ты его бывшая. И ты больше не в клане.

Она вновь оказалась в моей хватке.

Смелая. Не отводила взгляда.

- Суть дела не меняет, - сказала она. - Так какую цель ты преследуешь?

Я позволил себе усмешку. Настоящую, пусть и на секунду.

- Хочу посмотреть, насколько терпелив король великой итальянской империи, когда его королева в других руках.

Повернул нас так, чтобы закрыть ее от взгляда Даниэля.

Начал считать, почти касаясь губами ее уха:

- Один, два, итри.

Я знал, что он придет.

И он пришел.

Даниэль схватил Андреа за руку и буквально оторвал от меня.

Я отступил, давая им сцену.

Даниэль свирепо посмотрел на меня.

- А ты прекрасно справляешься с ролью чертового ублюд-

ка.

- Для тебя стараюсь, родной, - чуть наклонился, снимая воображаемую шляпу. - Спектакль окончен, дорогие.

Я улыбнулся. Нужно было завершить партию красиво.

А внутри все стихло.

Как всегда, после хорошо сыгранной партии.

Андреа ушла, а Даниэль шагнул ко мне со сталью в глазах.

- Берегись, Каллахан, ты переходишь черту.

Его глаза налились кровью от ярости. Я уверен, если бы не желание избавить свою племянницу от брака, Даниэль давно вытащил бы пистолет.

- Границы - не мой стиль, - хмыкнул, подмигнув, - К тому же теперь у тебя есть шанс. - кивнул в сторону уходящей Андреа, - Верни все, что когда-то просрал.

Между нами повисло напряженное молчание, а потом Даниэль сурово кивнул и ушел за своей любимой.

- А теперь пусть свет увидит искусство танца. - криво усмехнулся, хлопнув пару раз, чтобы отвлечь людей.

Мне нужно было выбрать официальную труппу. Я хотел, чтобы в театре жила жизнь. Играла музыка. Были балерины. Память об Аде не должна угаснуть.

В зрительном зале сел в самый верхний ярус, куда мало попадает свет, чтобы видеть все, как зритель. Прочувствовать момент сполна. Дадео и его приближенные заняли почетные места в отдаленных ложах, а я оставался в тени.

Здесь пахло свежей краской и дорогим деревом. Свет от

люстр ложился на красные бархатные кресла, отражаясь в золоте рам и зеркал. Театр был готов. *Мой театр.*

И тут начались выступления.

На сцене сменялись ансамбли^{5*}. Один за другим. Я сидел в центральном ряду, чуть откинувшись, наблюдая за каждым движением.

Первое выступление было классическим, выверенным до скуки. Техника, без слов, безупречная, но в глазах ни жизни, ни боли. Механическая точность, будто они танцуют для экзамена, а не для сцены. Они не чувствовали страсть. Я отметил про себя, что талант есть, но душа

Второй ансамбль пытался поразить новизной, но казалось, они сами не поняли, чем хотели удивить. Слишком яркий свет, кричащие костюмы, жесткие переходы. Много формы, мало смысла. Я наблюдал, как танцовщица на мгновение сбилась с ритма, и понял, что не хватает единства. У каждого свое эго. Они работали не на команду.

Следующие танцевали хорошо, даже очень, утонченно, но слабое сердце. Все было красиво, но пусто. Ни один из номеров не оставлял следа. Только шелест занавеса и смена декораций.

Я начал чувствовать усталость, массируя веки. Время текло медленно, как смола. Потом услышал тихие шаги и увидел приближающуюся женскую фигуру, а за ней и мужскую.

Даниэль и Андреа. Они заметили меня, только когда сели. Про себя я тут же хмыкнул, ощутив напряжение. *От них лю-*

то пахло сексом, черт возьми.

Сцена погрузилась в полумрак. И я решил не отвлекаться.

На пол заскользил белый дым. Прозвучали первые ноты, и я удивленно приподнял брови. Выступала группа Андреа, и, честно говоря, не ожидал, что они выйдут под современную музыку. Легкое электронное эхо, прошедшее по телу мурашками. Ритм песни бился, словно пульс.

Внезапно свет погас, музыка затихла, зрители ахнули, а я лишь наблюдал. Это точно был прием. Но я не ждал чего-то особенного, как не прошло и секунды, в центре сцены вспыхнул крошечный огонёк. Он выхватил из темноты женскую фигуру, свернувшуюся на полу. Музыка зазвучала тихо, едва касаясь пространства, и тело балерины ожило.

Она поднялась медленно, как будто пробуждалась от векового сна. И ее глаза.божеэто

Я не находил слов.

В ее взгляде не было сцены, зала, людей. Только то, что не каждому было суждено понять. Отчаяние, борьба и боль. Возможно, это часть ее образа и актерского мастерства, но я верил ей. Верил так, что ладони сжались на подлокотнике.

Она была прекрасна, как нетронутый снег. Белоснежный, невинный, холодный.

Я потерялся в ее движениях, в каждом взмахе ресниц, в коротком вздохе. Ее тело кричало о спасении, а мое натянулось, как струна. Так сильно сжимал руки, что кожа перчаток закричала.

Она протягивала руку, будто искала кого-то.

Она не играла, она проживала. Каждой клеточкой своего тела пыталась этот зал своим безмолвным криком. Каждое движение, как боль, рожденная из тишины.

Она была светом.

Настоящим.

Настолько чистым, что хотелось отвести взгляд, чтобы не осквернить.

Я не знал, кто она. Но все это не имело значения.

На сцене была не балерина. *Ангел*. Невинный, уязвимый, будто созданный из света. Руки девушки снова потянулись выше, отчаяннее, пока вдруг не опали, как у сломанной куклы. Ее тело содрогнулось в рыданиях, а потом свет снова погас.

Тишина и темнота. А внутри у меня шторм.

Когда прожектора вспыхнули вновь, зал будто выдохнул.

Теперь на сцене стоял весь ансамбль. Но я искал лишь ту, что забрала мое дыхание. *Но она уже не ангел*.

Белое стало грязным. Крылья заляпаны черной краской, платье порвано, а на голове блестела темная корона, будто из самого пепла.

Она смотрела прямо в зал, но казалось, видела что-то большее, чем зрителей.

Что-то, что давно сломало ее внутри.

Я не мог оторваться.

Это было не просто танцем.

Это было признанием.

И оно покорило меня.

Она будто умирала и возрождалась на моих глазах. Среди десятков, видел только ее. Каждое движение било по нервам, будто я слышал в этой музыке самого себя. Напрягся, когда она упала, и какой-то дикой, непонятной частью себя хотел подхватить ее.

Но не успел.

Никто не успел.

Ангел упал, ее крылья сломаны, и я понял, что все кончено.

Когда зал взорвался аплодисментами, не слышал ничего.

Я смотрел на пустую сцену, где несколько секунд назад горело что-то, что теперь зажглось во мне.

Она разбила мою холодную фигуру одним лишь танцем.

И это был конец покоя.

Потому что в этот день я стал одержим.

Не искусством. Не театром.

Ею.

Той, что забрала мое дыхание.

Глава 2

Сиенна Дэлани

Сцена — как океан. Она забирает мой воздух, крик, боль. Дарит новое дыхание, голос и успокоение. Это как терапия. Многие боятся сцены, но я жажду ее. Жажду момент, когда под пуантами скрипит пол сцены, раздвигается тяжелый красный занавес и слепит глаза яркий свет.

Здесь я чувствую себя дома. Здесь начинается моя свобода. Я не думаю ни о чем. Ни о Финне, ни о семье, ни о завтрашнем дне.

Только здесь и сейчас. *Сейчас и навечно.*

Никогда не хотела, чтобы этот момент заканчивался.

Возвращаться в реальность так трудно.

— Сиенна, — слышу голос вдали, а потом локтя касается чья-то рука.

Свет прожекторов все еще слепил глаза. Зрители уже перестали аплодировать, глядя на меня с подозрением.

Сердце горело, а грудная клетка быстро вздымалась. Наконец нахожу в себе силы моргнуть и оглядываюсь. наших девочек уже не было. Рядом осталась лишь Елена. Она тянула меня назад, за кулисы.

— Мы должны освободить сцену, — нервно прошептала подруга, — Скорей.

Едва переведя дыхание, сделала прощальный поклон и

поспешила за подругой. За кулисами теснились другие балерины. По знаку все разом побежали на сцену.

Я согнулась, начиная восстанавливать дыхание. Сделала глубокий вдох, ощущая улыбку на губах. Пахло гримом, пудрой и лаком для волос. А еще чем-то новым. Театр буквально дышал нами.

Музыка на сцене заиграла. Я отправилась в общую гримерку. Наши девочки собрались и громко пищали от радости, радуясь хорошо отработанному выступлению. Номер вышел шикарным, и теперь мы ждали выбора главной труппы театра.

Бренда повисла на моей шее, немного прихрамывая из-за натертой ноги. Вслед за ней с воплями радости прибежала Марисса. Мы притянули в объятия даже хмурую Елену. Она сдерживалась, а потом улыбнулась и обняла нас в ответ.

— Это было шикарно, Си! — выкрикнула Бренда.

Мы четверо, познакомились на уроках балета. И с тех пор неразлучны.

— Мы смогли, девочки! — прыгала от радости Марисса.

Оторвавшись от подруг, подошла к своему зеркалу и устало плюхнулась на стул. Взяв телефон, заметила три пропущенных от папы. Сердце сжалось от страха. Дрожащими пальцами перезвонила ему.

— Ну же, возьми трубку, — нервно кусала губу, прислушиваясь к длинным гудкам.

Наконец папа ответил.

— Пап... что стряслось?

На конце провода послышался писк монитора и лишний шум, совсем не похожий на атмосферу нашего дома.

— Си, сейчас все в порядке, Финн...

— Что? Что с ним?

Внезапно все стало белым шумом. Ладонь скользнула к кулону на грудной клетке, пытаюсь вернуть воздух.

— Очередной приступ, но сейчас все прошло, милая. Мы с мамой рядом с ним. — папа пытался подбодрить меня, но его голос был напряжен.

— Сейчас же выезжаю.

— А как же выступление, дочь! — отказывался папа, — Не переживай, прошу. Ты должна победить.

Но я уже положила трубку и стала снимать пуанты. Ноги гудели, вокруг все сжималось, а радость стала чем-то отдаленным.

В голове были лишь слова отца.

Очередной приступ.

Приступ.

Финн.

— Эй, — Елена подошла ближе, и коснулась моего плеча, — Все хорошо? Ты бледная.

— Куда ты? — вмешалась Бренда, растерянно глядя, как я накидываю плащ и собираю свою сумку.

— Мы же праздновать пойдем, — надула губы Марисса.

Девочки смотрели на меня, не понимая.

— Сейчас будет награждение, Сиенна, — говорила Элла из кордебалета^{1*}, — Мисс Андреа будет тебя искать.

— Извините, девочки, но мне... мне нужно бежать.

Я бросилась к выходу. Пришлось свернуть в закрытый коридор театра. Туда, где пахло пылью, декорациями и веяло холодом от запасной двери. Боль в ногах резала, дыхание сбивалось, но я не останавливалась.

И именно поэтому не заметила, как врезалась в кого-то.

— О боже! — вскрикнула, спотыкаясь и падая в чьи-то руки.

Его ладони сомкнулись на моей талии, впиваясь сильнее, чем позволяла приличность. Я подняла взгляд, и в первое же мгновение потеряла связь с реальностью.

Он был красив. В нем нет той мягкой, правильной красоты, к которой привыкают глаза; только опасная, цепляющая, от которой внутри что-то сжимается и леденеет.

В тусклом свете коридора разглядела его: черная водолазка плотно обтягивала широкие плечи и полностью закрывала шею, делая его силуэт куда более строгим; пепельные волосы были растрепаны так, будто он тоже куда-то спешил или нервно сжимал волосы.

Его губы чуть приоткрылись. Он пытался что-то сказать, но слова застряли. А глаза... *боже*, его глаза серые, глубокие, как море, покрытое льдом. В них были трещины трево-

¹ * Кордебалет — ансамбль артистов балета, исполняющих массовые сцены и создающих фон для сольных партий.

ги, тень боли и странное узнавание.

Но я не знала его.

Он дышал так же тяжело, как и я. Его дыхание касалось моей щеки, прокалывая мурашками кожу. Судорожно вцепилась в его плечи, чувствуя тугие мышцы под плотной тканью водолазки.

— Извини, — выдохнула я, пытаясь выскользнуть из его рук, но парень прижал меня еще ближе и страх стал сковывать тело. — Отпусти меня, — тверже сказала я.

Но он не двигался. *Лишь смотрел.* Смотрел так пристально, так внимательно, изучая. Его взгляд скользнул вниз и остановился на моем кулоне. Подобно очарованному, молодой человек поднял руку в черных кожаных перчатках, пытаясь коснуться его.

Мурашки пробежали по спине.

— Что ты делаешь? — недоумевала я, и собравшись, резко оттолкнула незнакомца.

Его пальцы неохотно соскользнули с ткани моего пальто. Словно еще одна секунда и он никогда не отпустит меня.

Подхватила упавшую сумку и побежала к выходу. Но я чувствовала. Кожей, каждой клеточкой своего тела, как он смотрит мне вслед. Не просто провожает взглядом, незнакомец будто притягивает меня обратно.

От этого становилось труднее дышать. Но я быстро забыла об этом странном типе, пока ловила такси и ехала в больницу.

Только в машине, когда потянулась за своим кулоном в поиске поддержки, поняла, что его нет на месте. Странное разочарование наполнило тело, и слезы сами нашли выход. Я сдерживала их с момента, как услышала голос папы.

Кулон стал спусковым крючком.

Финн подарил мне его на восемнадцатый день рождения. *Серебряная балерина в пируэте*. Этот подарок был моим амулетом, приносящим удачу на сцене. А сейчас я потеряла его.

Сначала я не моргала, натирая глаза, чтобы остановить поток эмоций. Потом грудная клетка разорвалась от рыданий. Закрыла лицо ладонями и позволила себе плакать. Плакала долго, в голос, задыхаясь и чувствуя, как щиплет глаза от слез.

Машина остановилась, а водитель с сочувствием посмотрел на меня, когда, наконец, подняла заплаканные глаза. Это был наш сосед Джон. Он подрабатывал вечерами таксистом и знал нашу непростую ситуацию, поэтому лишь улыбнулся и протянул мне бутылку воды вместе с салфетками.

— Все наладится, Сиенна.

Сделала глубокий вдох. Пытаясь остановить дрожь в руках, отпила два глотка и кивнула.

— Вы правы, все будет хорошо.

Джон не взял денег за проезд, как бы я ни просила, осознавая, что это мои последние деньги. Было приятно и чертовски плохо. Как же сильно я ненавидела эту безденежность.

Она будто намеренно преследовала нас и высасывала все силы. Я уже не помню дня, когда наша семья не думала о том, как прожить следующий день и не помереть с голоду.

Отгоняя мысли прочь, перешла дорогу и вошла в больницу. Можно считать наш второй дом. Весь персонал знал нашу семью, поэтому сейчас каждый встречал меня с пониманием.

Финн родился с гипоплазией левых отделов сердца, редким пороком, при котором левая часть сердца почти не развивается, и вся работа ложится на правый желудочек.

С первых дней его жизнь проходила в больницах: кислород, мониторы, три тяжелые операции, после которых он смог дышать легче, но болезнь никуда не ушла. Он рос слабым, быстро уставал, часто сипел, а каждый кризис напоминал, насколько хрупким было его сердце.

И теперь, когда Финну пятнадцать, он по-прежнему выглядит младше своего возраста, живет с постоянной усталостью, одышкой и приступами слабости, а врачи все чаще говорят, что его сердце начинает сдавать.

Сегодня был очередной приступ.

Навстречу мне вышла Миссис Хэйт. Женщина среднего возраста, всегда пахнущая медикаментами. Но очень добрая и внимательная к своим пациентам. Ее глаза увеличились, когда увидели меня. Наверняка яркий наряд с размазанным макияжем сильно привлек внимание. Я подбежала к ней, и женщина взяла мою руку и улыбнулась.

— Дыши, Сиенна, — ее карие глаза, такие спокойные, — Сейчас с Финном все хорошо.

— В какой он палате? — судорожно спросила я.

Миссис Хэйт назвала палату, и я быстрым шагом направилась по коридору прямо, чувствуя, как режет слух скрип моей обуви и шум вокруг.

— Пап! — закричала, увидев его сидящего на скамье, рядом с кабинетом врача.

Папа поднялся с места и пошел ко мне навстречу. Я кинулась в его объятия, и наконец смогла выдохнуть. Папа крепко прижал меня к себе и стал успокаивать, а потом, обхватил ладонями мое лицо, осмотрел с ног до головы.

— Зачем же примчалась к нам? А как же... как же выступление.

Папа всегда поддерживал меня во всем и горел за мою карьеру, которая только начиналась. И даже сейчас он не забывал об этом.

— Мы выступили, дальше они справятся, — уверяла его, — Где мама?

— С Финном и врачом.

— Хорошо, — кивнула, присаживаясь на скамью, — Какие прогнозы?

Папа сел рядом, взял меня за руку и поцеловал. Попытался успокоить. Но понятия не имел, что так делал хуже и мне снова хотелось разрыдаться.

Мой отец, Патрик Питер Дэлани был обычным строите-

лем. Он работал не покладая рук, чтобы прокормить семью и оплачивать лечение Финна. И никогда...никогда я не видела, как он сдавался. Он не показывал свою боль, усталость. Всегда улыбался. Папа был сильным человеком. А еще он не забывал обо мне. Несмотря на все траты, позволил идти за мечтой, заниматься балетом.

Дверь комнаты врача открылась и вышла мама с лечащим врачом Финна. Я встала, чувствуя, как тело немеет от волнения, когда мама окидывает меня взглядом.

Так хотелось сжать кулон, но я только прижала руку к груди, ведь его не было. Однако мама была не в силах обратить на меня внимание и тем более критиковать. Поэтому промолчала и подошла к отцу. Ни одной эмоции на лице. Ни единой слезы.

Мама напоминала сталь. Ее не сломать на эмоции. Она закрытая от всего мира, даже от меня. *Особенно от меня.*

— Сейчас мы стабилизировали состояние Финна, — начал доктор Тайер, смотря на отца, а потом и на меня, — Дышит он хорошо. Но вам нужно понимать: это временно. Лекарствами и процедурами мы можем поддерживать его состояние, но это не восстановит сердце. Финну нужна пересадка. Это не вопрос «если», это вопрос «когда». И лучше не ждать, пока его сердце совсем перестанет справляться.

Ноги почти потеряли опору. Было ощущение, что кафель под ними растекался. Хотелось, чтобы он забрал меня на дно.

Мама стояла неподвижно. Папа отвернулся, скрывая слезы, а я...я не знала, что мне делать. Просто молча стояла, чувствуя, как слезы текут дорожками по щекам.

— Сколько...сколько у нас времени? — дрожал мой голос.

Доктор Тайер тихо выдохнул.

— Говорите прямо, — попросила мама.

Тогда он ответил:

— Финну осталось от полугода до года, если его сердце не получит донорского. Это при хорошем раскладе. В остальном, я не могу дать точных прогнозов. У нас не делают таких операций. Нужны огромные средства и опытные специалисты.

— Спасибо, доктор, — мама оставалась непробиваемой.

А мне хотелось взять ее и встряхнуть. Пусть она плачет, кричит, злится, винит. Но только не молчит.

Доктор Тайер поджал губы в глубоком сожалении, словно уже поставил приговор Финну и кивнув, ушел прочь.

— Я останусь с Финном на ночь, — мама смотрела на меня и отца свысока, словно осуждала за проявление эмоций.

Я не понимала ее. Может, скрывать эмоции и быть холодной это ее способ избежать боли, но своим безразличием она всегда делала больно мне.

Фиона Дэлани была заслуженной артисткой балета, но потом родила меня и бросила карьеру, а дальше на свет появился Финн. Мама посвятила себя семье.

Она обучала меня балету с трех лет. Помню, как сильно плакала, ведь совсем не хотела танцевать, а потом балет стал моей отдушиной. Ведь он заменил мне мать. Во время репетиций мама была со мной и только тогда обращала на меня внимание.

Папа пришел в себя. Он сделал глубокий вдох и посмотрел на маму. Им нужно было поговорить, поэтому оставила их наедине, направившись к выходу, подальше от запаха медикаментов.

Оказавшись на свежем воздухе, вдохнула колючий зимний холодок и закрыла глаза. Услышала вой сирен скорой помощи, которая подъехала к больнице и сердце застучало сильнее. Этот звук всегда вызывал неприятные, почти панические ощущения, связанные с детством, когда скорая приезжала к нам почти каждые две недели.

А потом этот звук перебили голоса:

— Си! — хором закричали девочки из класса, подбегая ко мне.

Растерянно повернулась к ним. Они подбежали ко мне и крепко обняли.

— Что... что вы здесь делаете? — растерялась я.

— Елена рассказала о состоянии Финна, мы пришли тебя поддержать, — ответила Марисса.

— Как он? — коснулась моей руки Елена, в знак поддержки.

— Сейчас состояние стабильное, мама останется с ним на

ночь, — выдохнула я.

— Тогда мы будем с тобой, — спохватилась Бренда, и Елена с Мариссой ее поддержали.

Они знали, как я нуждалась в их поддержке и не любила одиночество. Каждый раз, оставаясь одна, я боролась со странным чувством, о котором никто, кроме них не знал.

— Закажем роллы и отпразднуем нашу победу, — подмигнула Марисса.

И тут я застыла, разинув рот.

— Победу? — не веря, переспросила.

— Да! — подняла победно руки Бренда, — Нас выбрали главной труппой театра.

Я открыла рот, а потом закрыла, не находя подходящих слов. Перед глазами все поплыло. Я снова заплакала. Теперь громче и не сдерживаясь.

— Оу, ну милая, — Марисса подтянула к себе и девочки укрыли меня в своих объятиях.

Именно здесь я не боялась показаться слабой. Потому что меня не осудят.

Наш дом не отличался от других в этом районе. Те же аккуратные частные коттеджи, разбросанные вдоль узкой дороги, подстриженные газоны и невысокие каменные ограды, за которыми начиналось море. Он достался нам от родителей мамы, и мы жили здесь столько, сколько себя помню. И, кажется, это место самое дорогое, что у нас есть.

Дом был приземистым, светлым, сложенным из камня, с темной крышей и большими окнами, выходящими к заливу. В ветреные дни стекла тихо гудели, а соленый воздух проникал внутрь даже сквозь плотно закрытые рамы. За домом тянулся сад. Трава, несколько кустов, старый деревянный стол, за которым летом пили чай, кутаясь в свитера.

Соседи жили неподалеку. Мы знали их в лицо, здоровались, иногда перекидывались парой слов у почтовых ящиков или у дороги, когда кто-то выгуливал собаку. Здесь не было суеты и лишних разговоров. Островной край учит уважать чужую тишину.

По вечерам ветер приносил запах моря и глухой свет маяка, который время от времени вспыхивал где-то за скалами. Дом стоял прочно, будто врос в эту землю, привыкший к дождям, штормам и одиночеству так же, как и мы. Дублин был моим городом, моей отдушиной. Я любила здесь все. От влажного воздуха до океана и серых будней.

Машина Мариссы припарковалась у двора.

— Тачка отпад! — хихикнула Бренда, похлопывая по бамперу.

Марисса усмехнулась. Она и Бренда всегда отличались убойными характерами и языком без костей. Елена же держала всё внутри, редко позволяя себе открываться на людях. Я понимала ее лучше, чем остальных.

— Правда же, сама не могу налюбоваться, — подпрыгнула Марисса, словно ребенок.

— Откуда на такую деньги? — перебила Елена, — Не думаю, что ты смогла купить ее на пенсию бабушки.

Бренда и я переглянулись. Марисса сжала рукава своей толстовки, растерянно отводя взгляд.

— Это он ее подарил?

Тишина стала напряженной. Все мы знали про поклонника Мариссы, о котором она ничего не говорила. *Даже нам.* Никто понятия не имел кто он и что из себя представлял.

— Он хорошо зарабатывает. Подарил ее в честь нашего выступления, — краски начали сходить с лица Риссы. Мы между собой всегда звали ее именно так, — Перестань во всем видеть подвох, Елена! — взбунтовалась подруга.

— Перестать? — Елена была на грани, — Да мы переживаем за тебя, дурочка!

— Девочки, хватит вам, — Бренда подошла к Елене и толкнула к дому, — Не сегодня.

Я улыбнулась Мариссе, успокаивая и приглашая в дом. Включила свет во всех комнатах. Рисса плюхнулась на диван с таким видом, будто он был создан только для нее, Бренда рванула к холодильнику, приговаривая что-то о том, что «голодно до смерти», а Елена с тихим ворчанием исчезла в уборной.

Смывать тонну макияжа после выступления обычное дело. Я пошла в душ последняя, поэтому, когда закончила с процедурами, девочки уже ждали у телевизора в гостиной с накрытым ужином на журнальном столике.

До полуночи мы просидели за едой и просмотром «Красотки» с восхитительной Джулией Робертс. Девчонки уснули среди множество подушек и одеял прямо на полу. Только Бренда заняла место на диване.

Я была настолько эмоционально выжата, что уснуть оказалось почти невозможно. Вертелась с одного бока на другой, ощущая тяжесть в каждой мышце. Устав бороться с бессонницей, с трудом открыла глаза и взглянула на часы.

02:00

Горло пересохло, а глаза опухли от слез, оставивших на щеках горячие дорожки. Тишина комнаты давила, и каждый звук, такой как скрип пола, далекий гул телевизора в гостиной казались, слишком громкими.

Пошла на кухню за водой. Стоя у графина, услышала шаги позади. Марисса тоже подошла ко мне и потянулась за стаканом. Рукав ее толстовки задрался. Я замерла от увиденного. На коже Риссы проступали фиолетовые синяки, отчетливо видимые в свете лампы.

Я оставила стакан и резко схватила подругу за кисть, притянув к себе, чтобы раскрыть руку полностью. Синяки опоясывали запястье, будто чьи-то руки держали ее так слишком долго. Или нет! Это больше похоже на следы чего-то более жесткого, чем просто человеческие руки.

Марисса со страхом отдернула руку.

— Что ты делаешь?

— Что это? — снова попыталась коснуться Риссы, но она

спрятала руки за спиной и отошла на шаг.

— Не твое дело.

Я застыла, оставив попытки хорошо рассмотреть синяки, и взглянула ей в глаза, отчетливо передающие страх.

— Что это, Рисса? Откуда эти синяки? Кто это сделал?

— Тише ты, — подруга оглянулась назад, боясь, что нас услышат, — Пожалуйста, — просила она.

— Если не хочешь, чтобы кто-то узнал — говори, — нахмурилась я.

После гибели родителей в автокатастрофе, Марисса с малых лет росла с бабушкой. И я не верила, что Миссис Гилберт способна на такое. Старушка была с характером, но точно не тиран, способная связать собственную внучку.

— Это трудно объяснить, — опустила глаза Рисса.

— Ты уж попробуй, — тихо шепнула, — Он тебя обижает? — подумала я о поклоннике подруги.

Марисса вздрогнула от этих слов, как от удара. На секунду ее дыхание сбилось, а пальцы сжались в кулаки за спиной.

— Нет, — коротко бросила она.

Я сделала шаг ближе, давая понять, что отступить не собираюсь.

— Рисса..., — произнесла имя медленно, почти ласково, — Ты меня знаешь. Я не уйду, пока не пойму, что с тобой происходит.

Она прикусила губу, отворачиваясь. Ее взгляд бегал по полу, к двери, к своим ногам, куда угодно, только бы не

встретиться с моими глазами.

— Я не могу сказать, — в ее голосе впервые прорвался страх.

— Почему? Кто тебе запретил? — шепот стал чуть тверже. — Рисса, ты боишься кого-то?

Она закрыла глаза на долю секунды и этого было достаточно. Я протянула руку к ее плечу, давая опору.

— Ты в опасности?

Ее горло дернулось. Губы дрогнули. И потом она выдохнула. Как будто держала внутри этот воздух слишком долго.

— Если я скажу..., — она сглотнула, поднимая на меня глаза, и в них впервые мелькнула просьба о помощи, — ... ты обещаешь, что не отвернешься?

Она опустила взгляд, а пальцы дрожали. Она пыталась спрятать их в карманах.

— Это..., — Рисса провела рукой по лицу, стирая то ли слезу, то ли бессилие. — Это не парень. Никто меня не бьет дома. И не думай о бабушке, она ни при чем.

Я молчала, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Тогда кто?

Плечи Мариссы поникли.

— Это работа, — прошептала она. — Я... я подрабатываю. Что-то тяжелое повисло между нами. Мне стало холодно.

— Марисса, какая работа может оставить такие следы? — едва слышно выговорила.

Марисса работала официанткой в местной кофейне «У

Шона». Но Шон был добрейшей души человек. Даже в мыслях не укладывалось.

Рисса закрыла глаза. Щеки вспыхнули от стыда, а голос стал почти чужим:

— Я не официантка. — пауза. — Я работаю в агентстве, Си, — Марисса рвано задышала. — Боже мой, — прикрыла она лицо руками, а потом выдала быстро, словно хотела скорее избавиться от груза, — Это эскорт. Сиенна.

Воздух вокруг стал тяжелее.

— Они..., — Рисса попыталась вдохнуть, но голос сорвался. — Иногда клиенты любят ну, это, такое, немного. Коротче, жесткое. А я не могу отказаться, там штрафы, — последовал тяжелый вздох.

Она снова спрятала руки за спину, будто эти синяки ее вина.

— Я не хотела, чтобы ты знала, — прошептала Марисса, уткнувшись взглядом в пол. — Ты бы... ты бы посмотрела на меня иначе.

Первую минуту я понятия не имела, как реагировать.

— Я сейчас смотрю, — прошептала я, — И вижу человека, которому страшно. И который остался с этим один. Не думай, что я отвернусь.

Марисса всхлипнула. Тихо, боясь позволить себе слезы.

— Мне так стыдно, — выдохнула она.

— А мне страшно за тебя, — ответила я. — Так что расскажи все, а я заварю нам чай, — посадив подругу за стол,

поставила электрический чайник и вытащила чайные пакетики из кухонного шкафа, пока Марисса собиралась мыслями.

В доме стояла тишина, смешанная со звуком моторчика холодильника, кипящей воды в чайнике и тихим, едва слышимым храпом Бренды. Они с Еленой спали, как убитые после выступления.

Марисса заговорила:

— Все началось с подработки. Пенсии бабушки ни на что не хватало, даже на еду иногда. Я устроилась танцовщицей в «Белую Змею».

Я так и застыла с чайником над кружками.

— Белая змея? — переспросила в неверии, — То самое?

«Белая змея» принадлежала одному важному семейству Ирландии. Этот клуб значился подпольным, и его местоположение знали лишь избранные. Там проворачивались дела некой мафии. Грязные деньги, проституция, наркотики. Это место буквально окутано развратом.

Марисса аккуратно кивнула. Я моргнула несколько раз, а потом разлила кипяток по кружкам и протянула одну из них Риссе. Не стала показывать, как сильно взволновалась и была в ужасе. Ей нужно высказаться.

— Просто танцовщицей, — продолжила подруга, — А потом все так закрутилось. Клиенты предлагали мне огромные суммы и...меня это ослепило. Я работаю там полгода, Си, — ее глаза загорелись, и я сама не верила одушевленному

голосу, — Я закрыла все долги и купила тачку.

Сделав глоток чая, посмотрела на подругу и наконец добавила:

— А синяки? — кивнула в сторону ее рук, — Деньги и твое психическое здоровье покрывают?

— Обычный секс, ничего более. Миллионы любят БДСМ. — хихикнула подруга. Я не узнавала ее. — Сиенна, я знаю ваше положение. Финну требуется операция, и это может помочь тебе. Поработаешь пару месяцев и соберешь на лечение.

Сердце забилось сильнее, а по телу прошлись мерзкие мурашки. Я резко оторвалась от прикосновений подруги и ошеломленно посмотрела на нее.

— Нет, — я была уверена в ответе, даже если голос немного дрожал, — Ты, наверное, шутишь? — с уст сорвался смешок.

Резко встала, желая скорее убраться отсюда, пока мысли не стали съедать меня изнутри. Но Марисса схватила меня.

— Извини, — искренне раскаялась подруга, — Прости, я перегнула немного. Но я лишь думаю о Финне. Конечно, я буду рада, если вы сможете найти такую большую сумму и вылечить его. А если нет, Сиенна? Что тогда?

Что тогда?

Что тогда?!

Черт, почему глаза щиплет? Это слезы?

Марисса поняла в растерянности опустила глаза.

— Это не навсегда, — себе обещала она, — Я уйду в конце этого месяца.

Быстро собравшись, сделала вдох. Стерла слезы и улыбнулась.

— Я не осуждаю тебя, Рисса. Но не могу сказать, что ты поступаешь правильно. Я всегда рядом. И девочки тоже. А сейчас пойдём спать.

Поставив посуду в раковину, обратно направились в комнату, где спали девочки. Марисса уснула сразу, а я еще долго смотрела в потолок, обдумывая все.

Финн. За что он заслужил такую жизнь?

Мы найдем выход. Мой брат будет жить. Его сердце будет биться без препятствий, и он сможет играть в любимый Хёрлинг²*, а не только смотреть его по телевизору.

Но, что если мы не сможем найти такую огромную сумму?

«Финну требуется операция, и это может помочь тебе. Поработаешь пару месяцев и соберешь на лечение.»

Боже, о чем ты думаешь, Си? Это абсурд.

Утром нам с девочками пришлось разгрести весь бардак, устроенный ночью. Когда они ушли, я взялась готовить суп для Финна. Он любил сырный, так что пришлось сбегать в

¹ * Древняя и очень быстрая командная кельтская игра, национальный вид спорта Ирландии, похожий на смесь хоккея, лакросса и бейсбола, где игроки деревянными клюшками (хёрлами) бьют по маленькому мячу (слиотар), чтобы забить его в ворота или перебросить над перекладиной, зарабатывая очки

магазин за сыром и курицей.

Хозяйка магазина, миссис Лин, знала о нашем положении, поэтому позволяла записывать в долг, пока папа не получит зарплату.

— Я надеюсь, ты хоть плиту включила, а то я голодный пришел!

Мужской голос послышался с порога. Улыбнувшись, кинулась навстречу Логану. Прыгнула в его объятия и крепко обняла.

— Оу, малышка, спокойнее, — хрипло рассмеялся друг.

Логан — наш сосед и по совместительству мой друг детства. Мы с ним, как брат и сестра. Он практически вырос в нашем доме и всегда помогал мне с уроками. И да, я единственная, кого Логан никогда не будет пытаться уломать на секс. Все остальные становились жертвами его обаяния, ямочек и яркой улыбки.

— Давно тебя не видела, — толкнула его в плечо, прыгнув с рук, а потом ударила сильнее.

— Ауч! — трагически закричал друг, — За что-о-о-о-о?

— Ты не пришел на мое выступление!

Вообще-то на мое выступление не пришел никто. Но об этом решила умолчать. Мама и папа и без меня слишком заняты.

— Ты же знаешь, не люблю я эти светские вечера, — усмехнулся Логан, — Я засыпаю на них. Но знаю, что вы стали главной труппой театра. Мэр фотографировался с вами

для журнала, кстати тебя я там не заметил.

Мы направились на кухню, где Логан по-хозяйски открыл холодильник, и достав апельсиновый сок, выпил прямо с горла. Я же продолжила натирать сыр для супа, чтобы хоть как-то отвлечь себя от событий вчерашнего дня.

Папа написал сообщение, что Финну лучше, но он пролежит в больнице как минимум неделю. От мамы не было никаких вестей. Мы с ней редко говорили по телефону.

— Как состояние Финна? — спросил Логан, подойдя ближе и заглядывая в мои глаза.

Я опустила взгляд, глубоко вдохнула и выдохнула.

— Доктора сказали, что все плохо. Нужна пересадка сердца. А стоимость операции доходит до двух миллионов долларов. Понятия не имею, что делать.

«Финну требуется операция, и это может помочь тебе. Поработаешь пару месяцев и соберешь на лечение.»

Слова Риссы всплыли в голове, и я уже хотела биться об стенку, только бы не слышать эту глупую идею.

— Что говорит твой папа? — Логан забрал у меня терку и стал помогать с приготовлением супа.

— Не говорила с ним толком. После больницы он уехал на объект, а мама осталась с Финном.

— Ты ночевала одна? — Логан напрягся.

Я помотала головой.

— С девочками.

— Правильно, — кивнул друг, — Не оставайся одна дома,

мало ли что.

— Да это был просто поклонник, Логан. — отнекивалась я, — Не играй в детектива. Нашим девочкам такие письма с цветами каждый раз дарят.

От упоминания так называемого «поклонника», по коже прошлись мурашки.

Это стало происходить несколько месяцев назад.

Ночью я всегда подрабатывала в студии нашей преподавательницы, вытирая полы и наводя порядок. И делала это, исключительно, ночью, когда появлялось свободное время после тренировок и работы официанткой.

В одну из таких ночей, заметила маленькую оригами в виде бабочки. Сначала подумала, что это просто мусор, оставленный танцовщицами и собиралась выбросить, пока не заметила надпись на крыле.

«Ты красивая, Imiopiccolocaos.»

Все еще помню, как тогда сняла наушники и стала оглядываться по углам. Но никого не было. Тогда решила, что это какая-то глупая шутка, ведь часто на выступления приходили поклонники. А может это вовсе было не мне предназначено?

После этого я не видела ни одного письма, а прошло почти три месяца. И все же, я списала это на глупую шутку. Но Логан так не считал и все равно говорил быть осторожней.

— Представь ты станешь популярна так, что будешь потом с охраной ходить? — шутил он, добавляя сыр в кастрюлю.

лю, — Если че, могу быть твоим охранником. Только скидку не буду делать.

— Иди ты, — пнула его в задницу и отправилась мыть зелень.

— Послушай, ты же прима^{31*}.

— Еще нет, — поправила его. — Нас еще не распределили.

— Сто процентов уверен, что ты ею станешь.

Я улыбнулась, надеясь на это. Всегда мечтала быть ею.

— Ага, — кивнула, смущенная.

— Правда, Си. Твое лицо будет на всех выступлениях. Подцепишь богача и будешь жить жизнь принцессы.

Я расхохоталась.

— Богача? Скорее всего это выгодно для тебя.

— Конечно, — цокнул Логан, — Иметь богатую подругу классно.

Мы рассмеялись, и я почувствовала, как тело покидает напряжение. И была благодарна Логану за то, что помогал расслабиться. Он ведь специально смешил меня, чтобы я меньше думала. *И это помогало.*

Приготовив суп и разложив по контейнерам, собрала все в сумку и направилась к машине Логана. Всю дорогу мы во весь голос подпевали песням по радио, выплескивая все эмоции.

¹ * Прима — ведущая балерина театра, исполняющая главные партии; высшее звание для танцовщицы в балетной труппе.

И, когда остановились у госпиталя, я замолчала. Музыка стала тише, а грудь снова сдавило. Мне не хотелось видеть Финна в таком состоянии. Становилось слишком больно.

— Эй, — Логан помахал перед моим лицом, — Суп остывает, Си. Пойдем уже.

Я направилась в палату Финна, предварительно надев маску и обработав руки антисептиком. Любое осложнение могло быть опасным.

Мягко постучалась и услышала голос мамы:

— Входите.

Строго. Коротко. Без эмоций.

Приоткрыла дверь и вошла, улыбаясь и пытаясь не показывать, как дрожала. Я смотрела на маму, не на Финна. Пошла в угол палаты, где был столик и поставила суп.

— Тут суп, сырный, как ты любишь, — тараторила я, — Мы с Логаном готовили вместе. А еще я поджарила хлеб и сделала травяной чай с мятой. Нужно поесть.

— Эй, бро, как дела? — Логан подошел ближе к Финну и дал пять, — Выздоровливай скорее, я купил нам билеты на Хёрлинг!

— Серьезно? — радостно, как только позволяли силы, говорил Финн, — Ура!

— Ага, только мы с тобой, и никаких девчонок.

— Даже сестра не пойдет с нами? — спросил Финн.

Я взяла поднос и понесла к брату. Мама следила за всем происходящим, сидя на кресле.

— Слышала, вас признали главной труппой театра. —
вдруг заговорила она.

Я поставила поднос и кивнула. А потом взглянула на Финна. На нем была кислородная маска. Под глазами пролегли темные круги, кожа побледнела, а из вен тянулись иглы систем, уже проступали шишки после процедур.

— Я видела ваш танец, — сказала она. — Повороты корпуса неточные.

— Мам..., — попыталась сказать, что сейчас не время, но она продолжила.

— Ноги в прыжках теряли линию, баланс слабый на втором па-де-де. Ты старалась слишком мало, Сиенна. В общем, есть над чем работать.

Сжала руки, пытаясь не выдать внутреннего напряжения. Она кивнула, словно ставила галочку в своем списке, как лучше убить мою самооценку. Профессиональная оценка, холодная и беспристрастная, без капли сочувствия и привычной другим поддержки матери.

— Талант без работы — ничто. — сказала мама, вздыхая и подходя к Финну, чтобы помочь поесть. — Я сама слишком рано оставила балет, но тебя я воспитываю иначе. Ты не можешь ошибиться.

— Да все у нее получилось шикарно, — вмешался Логан, —
— Иначе бы их не выбрали. Сиенна блистала.

Мама резко кинула взгляд на Логана, выжигая на его месте дыру, и тот вскинул руки.

— Понял, но вы не правы.

— Логан, — тихо шепнула я, покачав головой.

С мамой нет смысла спорить. Фиона Дэлани никогда не даст человеку возможность обвинить ее в том, что она не права. А еще она злилась. Все еще злилась, что я ушла к Андреа, а не продолжила тренироваться с ней.

— Логан прав, мама, — вмешался Финн, взяв ложку и принимаясь за суп, — Сестра была прекрасна. И театр... он такой красивый.

— Хорошо, ешь, сынок, — улыбнулась мама, подавая ему салфетку.

Финн понимающе посмотрел на меня. Я едва сдерживала дрожь, а потом, быстро попрощавшись, направилась к выходу. Ноги вели меня сами.

Перед глазами снова видела вчерашнюю сцену. Где я допустила ошибку?

Господи, мама ведь права.

Я не старалась достаточно. Я снова облажалась. Я...

— Эй, Си, — Логан вывел меня из оцепенения, подойдя сзади и с поддержкой сжав мои плечи, — Не бери в голову, ты прекрасна!

— Нет, — покачала головой, поворачиваясь к другу, — Мама права, Логан. Нужно стараться больше. Я просто не работала на сто процентов. А надо... мне надо.

Логан возмущенно вздохнул

— Да перестань уже, Си! Ты не выходишь из студии но-

чами. У тебя шрамы на ногах из-за чертовой нагрузки. И все это ради того, чтобы мама наконец гордилась тобой? — приподнял он бровь, а я молчала, ведь он был прав. *Абсолютно прав.* — Открыть тебе секрет? Твоя мать никогда не будет довольна тобой, пока ты не скажешь ей: «Хай! Хватит, мама. Я не твоя марионетка. И я не буду платить за то, что ты однажды не смогла дойти до конца. Поэтому гуд бай!».

Я знала это. Все прекрасно понимала. Но могла ли признать? *Нет.*

Балет тек в моей крови с трех лет. Пока другие дети играли в песочнице, а мамы подтирали им сопли, я была в студии, занималась днями и ночами. Пока другие девчонки красились на вечеринки, кадрили парней и сплетничали, я готовилась к выступлениям. Пока они наедались сладостями, я придерживалась строгой диеты. Только вода и супы. Месяцами подряд, чтобы быть в форме.

Я не могла так просто оставить все в прошлом и жить дальше.

Логан это понял. Отпустил меня и кивнул в сторону машины.

— Идем, отвезу тебя в студию.

После выступления у девчонок было несколько выходных дней, но Андреа позволяла тренироваться мне в свободное время.

Я провела в студии шесть часов. И в конце концов обес-

силенно рухнула на пол. Музыка продолжала играть, и я была готова встать и начать заново отрабатывать танец, когда она стихла.

Подняв взгляд, увидела Миссис Перри. Она, как и всегда, была прекрасна. Идеальная фигура, шикарные каштановые волосы и зеленые, словно густые леса, глаза с ноткой вечной грусти.

— Разве я не запретила изводить себя тренировками?

Она была в балетном купальнике и в руках держала свои черные пуанты. Преподаватель подошла ближе и присела рядом, протягивая бутылку воды, которую я едва могла взять в руки, ведь вся дрожала.

Дышалось тяжело. Казалось, еще секунда, и я попрошусь с легкими.

— Я не извожу себя.

— Не изводишь? — иронично усмехнулась Андреа, глядя на мои покрасневшие ноги и розовые пуанты, что впитали кровь, — Если увижу тебя здесь в течении трех выходных дней, освобожу от занятий на две недели, поняла?

Я кивнула, ведь хорошо знала Андреа. Она точно выполнила бы сказанное.

— А теперь иди домой и хорошенько поспи, Сиенна. — она улыбнулась, похлопала меня по плечу и подала мне руку, помогая подняться.

Хромая, направилась в раздевалку, где переоделась, перемотала ноги бинтом и ушла.

Папа должен был быть дома сегодня. Наверняка он приготовил любимое рагу, от которого мне придется отказаться в пользу салата.

Измотанная, не чувствуя ног, открыла дверь в дом и сразу услышала крик мамы. Я так и остановилась на пороге, прислушиваясь.

— Что ты предлагаешь, Патрик? — мама редко плакала, но сейчас ее голос дрожал от рыданий, — Мой сын... мой сын умирает! Слышишь? Он умирает. Мой ребенок.

— Он и мой сын! — крикнул папа в ответ, и я дрогнула.

Папа никогда не кричал. Но сегодня...

— Думаешь, я не понимаю? Я вкальваю сутками напролет, чтобы заработать копейки, Фиона! Думаешь, у меня не болит сердце? Черт возьми, да ты спроси, когда я нормально спал и ел в последний раз? Финн и мой сын, ясно? Я тоже переживаю и думаю о нем. И я ищу деньги.

— Времени слишком мало, — мама затихла, — Слишком мало. Сегодня состояние ухудшилось.

Наступила тишина. Слезы капали с моего подбородка одна за другой. Я даже дышать боялась.

— Наш сын умрет, Патрик? — мама была в отчаянии.

— Не говори так, любимая, — дрожь в голосе папы окончательно сломала меня.

Папа никогда не показывал свою боль. Сколько бы трудностей мы не прошли, он всегда улыбался и был уверен, что со всем справится, но сейчас он тоже ломался.

Не в силах слушать это, развернулась и побежала прочь. Я бежала несмотря на боль в ногах и в сердце. Задышалась и плакала, пока не остановилась на полпути. Я судорожно достала телефон из рюкзака. Делала все быстро, боясь передумать.

Открыла контакты, нашла номер и нажала на вызов.

Запись II

Твои подруги. Отличный вышел вечер, да, мой прекрасный хаос?

Как же меня бесят эти шлюхи. Постоянно вьются рядом с тобой. Ты не понимаешь, что каждая из них мешает нам. Мешает мне добраться до тебя.

Я видел, как ты улыбалась им. Но ты не должна улыбаться никому, кроме меня. Ты такая хрупкая. Такая красивая. Я почти слышу, как дрожит твой голос, когда ты говоришь...и меня это сводит с ума.

Ты — мой хаос. Мои мысли не отпускают твой образ ни днём, ни ночью. Я хочу попробовать тебя, хочу запереть тебя. Хочу, чтобы ты принадлежала только мне. Не хочу, чтобы ты говорила с ними. Они лезут в твою голову, забирают твоё внимание. Они портят тебя.

Если бы ты позволила, я бы избавил тебя от шума вокруг. От людей, которые не знают тебя. Которые не видят, как ты заправляешь за ухо прядь. Это знак. Для меня. Только для меня.

Я люблю твой хаос. Я могу держать его в руках, как маленькую дрожащую птицу...и не дам никому дотронуться до тебя.

Если бы ты позволила, я бы избавил тебя от них. От всех, кто тянет тебя вниз, наполняет твою голову лишни-

ми словами.

*Я заберу
у тебя
шум,
оставлю
тишину.
И себя.
Д.*

Глава 3

Алекс Каллахан

— Каллум! Каллум! Каллум!

Шум. Запах пота, табака и крови.

Толпа рвала глотки, проливая пиво на пол.

— Ты не предупредил Босса о своем визите на бой, — бубнил над ухом Деклан, мой, так называемый, телохранитель и правая рука.

Я помню нашу первую встречу. Мне было тринадцать, ему двадцать. Дадео нашел его избитого и полумертвого. Деклан занимался боями с подросткового возраста и выигрывал абсолютно всегда. На самом решительном бою он проиграл. Позже выяснилось, что в крови Деклана было наркотическое вещество, которое ему подсыпали.

С тех пор он бросил это занятие и стал членом нашего клана. Для меня он как старший брат. Деклан появился в самый переломный момент моей жизни и поддержал, как никто другой. Мы всегда ходили вместе, где бы ни были.

— Ему не обязательно знать о каждом моем шаге, — пробирался сквозь толпу, которая расступалась при виде меня.

Ненавидел это почтение всей душой. Они уважали и боялись лишь из-за моей принадлежности клану. Я же хотел, чтобы они признали меня и мою силу без статуса наследника

«Alba Serpens»^{1*}.

Но сейчас не время показывать себя. Моя сила спрятана намного глубже, чем кажется на первый взгляд.

— Ну да, тебе он ничего не скажет, а меня съест с потрохами.

— Не знал, что Дадео любит человечину.

— При всем уважении к Боссу, но твой Дадео — вампир.

Я рассмеялся. Подошел к свободному столику в углу и снял свой плащ, оставаясь в белой рубашке. Не совсем подходящий наряд для подобных «мероприятий», но переодеться не было времени.

После встречи с советом, где мы обсуждали будущие планы для сотрудничества с Конселло, нужно было расслабиться, чтобы не сорваться.

К ней.

Она заняла мои мысли буквально.

Я не спал прошлую ночь, вспоминая ее танец.

Ее глаза. Тепло ее тела, прожигающее сквозь перчатки.

Сиенна Дэлани, сама того не понимая, отняла у меня покой.

Колье, незаметно сорванное с ее шеи, все еще обжигало кожу через ткань грудного кармана плаща. В течении всего собрания я снова и снова тянулся к этой вещице, будто проверяя: не исчезло ли единственное доказательство того, что Сиенна — не плод моего воображения.

¹ * Латынь «Белая змея». Название клана Каллаханов.

Деклан сел рядом и кивком подозвал к нам официантку Сью, что не оставляла пространства для фантазии своими короткими джинсовыми шортиками и бюстом. Каждый мужчина в клубе следил за ее движениями. Каждый, кроме меня. Мои же мысли оставались с Сиенной, словно передо мной прошла тень, а не женщина.

Я следил за рингом. Каллум оседлал соперника, нанес решающие удары, разбрызгивая кровь и купаясь в ней. От этого вида на спине выступили крупинки пота, и я отвел взгляд, с трудом сглотнув.

Кровь. Ненавидел ее.

Потребовались годы, для того, чтобы не впадать в панику от этого вида.

Каллум одержал победу, отправив соперника нокаут. Он закричал и ударил себя по татуированной груди, после чего спрыгнул с ринга и направился в сторону раздевалки.

Каллум О'Келли являлся моим другом детства. Его родители были преданы клану столько, сколько себя помню, и мы дружили с пеленок. С нами всегда ошивался Эймон. Наверняка он затаился где-то в углу с очередной девицей.

Как и стоило ожидать. Каллум вытолкнул полуголового Эймона из своей раздевалки за шкурку вместе с незнакомой девушкой. Эймон довольно улыбнулся, натянул футболку и шлепнув девушку по заднице, направился к нам.

Друг отдал мне честь вместо рукопожатий, прекрасно зная о моей неприязни прикосновений, и плюхнулся рядом,

забирая пиво с подноса официантки.

— Каллум, как всегда, злой, как недотраханная девка, — цокнул Эй.

Я осмотрел его и криво улыбнулся.

Эймон Тирнан был свободный, как ветер, за что часто отхватывал от отца. Сейчас его рыжеватые волосы были в бардаке, у подбородка размазалась женская помада, а улыбка была белоснежной и широкой, как и всегда.

— Это так мы отмечаем твой день рождения? — приподнял он бровь, чокаясь со мной кружкой пива, — Сколько тебе, дружище? Двадцать три?

Я кивнул, не особо радуясь, что Эймон помнил. Я ненавидел свой день рождения в буквальном смысле. *День, когда умерла Ада*. И мало кто знал об этом факте, кроме меня, Далео и Деклана, который нахмурился при упоминании сегодняшнего события.

— Ладно, я понимаю, что ты не любишь праздновать днюху. Но я все равно отмечу рождение такого прекрасного чела, — подмигнул Эй, залпом выпивая пенное и с грохотом ставя пустую кружку на стол.

Деклан устало закатил глаза. Он был полной противоположностью Эймона. А еще, Эймон часто ввязывал нас в неприятности, которые разгребал Деклан.

— Скажи мне, когда ты там угомонишься? — выдохнул Деклан, — Ты обрюхатил пол Дублина.

— Не правда, — подмигнул Эймон, — Про презики я уж

никогда не забуду. Не то отец оторвет мне башку.

— Я бы оторвал ее сам, если бы не знал последствия.

Формально, мы, как жители Дублина, должны подчиняться его отцу. Но все прекрасно понимали, кто кому на самом деле зад подтирает.

— Деклан, не пора ли выпустить пар? Вижу, ты натянут, как тетива. Хочешь найду тебе красотку на вечер? Она освободит твои синие яйца, — поиграл придурок бровями.

Деклан пнул стул Эймона и тот со скрипом отодвинулся подальше от нашего стола.

Я следил за всем с ироничной улыбкой, не притрагиваясь к пиву, ведь всегда получалось так, что мне срывало голову и после, я не помнил ничего.

— Спасибо, но мой член не лезет во все, что имеет дырку и двигается.

— Какие мы правильные. — надул губы Эймон, обратно подтягиваясь к нам, — Или ты взял celibat, как верный слуга церкви?

Я отвесил другу подзатыльник.

— Не богохульствуй.

Эймон поднял руки в капитуляции.

— Извините, святой отец.

— Ты неисправим, — закатил глаза Деклан.

Каллум, вышедший из душа, подошёл к нам и тоже награждал Эймона подзатыльником.

— Вашу мать, да за что на этот раз? — возмутился Эй.

— Еще раз увижу тебя трахующегося у меня в раздевалке — прикончу, — Каллум накинул на голову капюшон толстовки, чтобы скрыть синяки и уселся за стол.

Я окинул взглядом друзей и мысленно усмехнулся нашей компании. Мы четверо с разных планет.

Я рос в мафии и с детства готовился к тому, чтобы унаследовать трон.

Деклан служил в армии, а потом остался без денег, зарабатывая на боях, пока судьба не привела его в мафию.

Эймон казался болваном, но это только видимость: на деле он умел пользоваться не только головкой одного места.

Каллума вырастила улица, и до сих пор он рвется забрать сестру из детского дома, но с таким образом жизни у него нет ни единого шанса.

Мы разные, но всех нас объединяет что-то одно. Намного глубже, чем кажется на первый взгляд.

Следующие часы мы растворились в выпивке, стёбе друг над другом и боях на ринге. Толпа вокруг, смех, крики. Они будто высасывали из меня всю энергию. Бои шли до утра, но я ушел ближе к двум, чувствуя, как ускользает хватка ночи. Обычно ночью я сплю, погруженный в тишину, но сегодня сон явно решил обойти меня стороной.

Попрощавшись с парнями, мы с Декланом поехали в особняк. Наше поместье стояло на окраине города и напоминало готические замки XIX века. Оно передавалось из поколения в поколение. Конечно, особняк прошёл масштабную

реставрацию, и многое из мебели мы обновили, но атмосфера осталась прежней.

Это было максимально уединенное место, куда обычным людям не пробраться. Особняк имел два основных крыла, и я занимал северное. Формально мы с дедушкой жили в одном доме, но северное крыло полностью оборудовано для меня: отдельная гостиная, кухня и множество комнат, большинство из которых я даже не открываю.

Сегодня я тихо прошел в дом и направился по лестнице в свое крыло. Как только переступил порог комнаты, уловил чужое присутствие. *Запах*. Женский, слегка холодный, с цветочной ноткой. И вместе с ним страх. Тот самый, который висел в воздухе густой дымкой.

Оставив ключи от машины на комод, шагнул вглубь комнаты. Люмина сразу уловила движение. Моя змея, белоснежная и грациозная, подняла голову, ее глаза блеснули в подсветке серпентариума, и она зашипела низким, предостерегающим шепотом. В этом шипении была не только ярость, но и знакомый ритм нашего мира, в котором я всегда чувствовал себя дома.

Комната делилась на два пространства. В первом — там, где жила Люмина, — стояли шахматный стол и холст с красками. Во втором, спальном, находилась моя постель. Я медленно двинулся в ее сторону, стараясь не шуметь, и на ходу вытащил из кобуры серебристый пистолет.

Дыхание замерло. Перчатки заскрипели по холодному ме-

таллу, а Люмина снова зашипела, внимательно следя за каждым изменением моего настроения. Она всегда чувствовала, когда что-то менялось.

Шагнул за порог, оружие выставил вперед и замер. На мгновение показалось, что я забыл, как двигаться.

— Кто там? — ее голос был тих и немного дрожал.

Внутри что-то оборвалось. Сердце екнуло, как будто кто-то вырвал его наружу. Дыхание село. Гнев вспыхнул мгновенно, но я не позволил ему вырваться. Я держал лицо спокойным, взгляд ровным, но внутри все горело.

Сиенна.

Она играла роль, которую я не мог принять. То, что раньше казалось чистым и светлым, теперь вызывало боль и бессилие. Я ощущал каждое движение ее тела, каждый дрожащий выдох. Это резало до костей.

Но я не могу позволить себе быть слабым. Я всегда контролирую ситуацию. И хотя внутри я кричал и хотел разорвать этот мир на части, снаружи оставался Алексом. Холодным. Сосредоточенным. И готовым действовать.

Глаза Сиенны были закрыты белой повязкой, а платье того же оттенка едва прикрывало ее тело. Простое, но слишком откровенное: разрезы по бокам, глубокое декольте. Казалось, оно кричало обо всем, что раньше было священной для меня.

Я узнал ее сразу. Ведь невозможно забыть черты лица той, что свела меня с ума одним танцем. Ее губы были в меру

тонкие, точные. В день нашей первой встречи, ее волосы были туго собраны в пучок, а теперь ниспадали до пояса, густые и волнистые. Она ерзала на месте и, казалось, хотела снять повязку с глаз, боясь того, что увидит. Я не дал ей этого сделать.

— Не снимай, — голос прошелся по комнате эхом.

Сиенна нервно вдохнула и замерла. Тонкие пальцы девушки остановились у лица, и она повернулась на мой голос.

Она сидела на моей кровати, в окружении шелковых черных простыней, а я стоял, смотря на нее и не веря своим глазам.

Почему она здесь? Она...она илюха?

Нет.

Нет, мать твою, нет.

Опустив пистолет, отвернулся, пропуская пальцы в волосы и сжимая их. Она слишком прекрасна, чтобы марать ее своим взглядом.

Так не должно быть. Как она могла оказаться из этого мира?

Взяв себя в руки, убрал пистолет в кобуру и снова повернулся к ней. Я увидел записку на постели и подойдя, прочел.

«С днем рождения, Каллахан. Девочка, говорят, отпад! Новенькая в клубе. Сними пробу первым, дружище.

Эймон»

Боже, какой же идиот. Какой же ублюдок. Я убью его, как только увижу. Сначала сдеру его рыжие волосы, как перья у

курицы, а потом закопаю в своем саду. Придурок!

Поднял взгляд на Сиенну. Она прислушивалась, немного дрожа.

— Я не знаю, кто вы...

— Ты не в курсе, что с клиентом нельзя говорить первой?

— понятия не имею, почему так злюсь.

Разочарован ли я? *Очевидно да.*

Мне хотелось верить в ее непорочность. В то, что она ангел.

Но кажется, ты, Каллахан, забыл, что в конце танца она превратилась в черную лебедь.

Однако более извращенная и ненасытная часть меня была рада видеть ее здесь.

Мою мечту. В моей постели. На моих, мать твою, простынях.

Господи, ее запах. Настоящий феромон.

Малышка, пропитай им все мои простыни. Я хочу спать с твоим запахом. Хочу вдыхать его каждый божий день. Если бы мне дали право выбора, я бы хотел почувствовать этот запах перед смертью.

Сиенна сглотнула. А потом, набравшись духу, пошла против своего же страха.

— Тогда, может покончим с этим? — девушка принялась стягивать лямки платья. Еще один дюйм, и я бы увидел ее грудь.

Черт, Алекс.

— Остановись сейчас же, — прошипел, отворачиваясь.

— К чему прелюдия? Я здесь ради денег, а ты?

— По-твоему, очевидно, чтобы трахнуть? — усмехнулся, а потом резко добавил. — Не смей раздеваться и снимать повязку.

С этими словами развернулся в сторону мини-бара, налил себе воды, после чего сделал несколько жадных глотков. Стало жарко. Невыносимо.

Я снял плащ, кинул его на подлокотник кресла в углу комнаты и сам устроился на нем, следя, как моя гостя двигает головой из стороны в сторону, пытаюсь поймать звук моего движения.

Поставил стакан на столик и почувствовал, как перчатки сжимают кожу с невыносимой силой, будто спрашивая, почему я до сих пор не набросился на это прекрасное тело и не разорвал его.

Я не могу ее касаться. И не выдержу, если она коснется меня.

Сам не знал, что из этого хуже — невозможность терпеть ее прикосновения или запрет даже притронуться к ней.

Одна лишь мысль о том, что мои грязные, пропитанные кровью руки коснутся ее белоснежной, почти невинной кожи, сводила с ума.

Я не достоин ее.

— Почему ты? — закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла, — Почему именно ты? Дьявол! — ударил кулаком

по подлокотнику, резко встал и сжал стакан в руках.

— Ты не должна быть здесь. Ты ведь ангел, детка, — кинул стакан в стену, разбивая вдребезги. Следом рука смела все с барной стойки. Бутылки полетели на пол, разбиваясь одна за другой. — Ты слишком непорочна, чтобы оказаться шлюхой.

Дыхание сбилось, тело покрылось мурашками. Я обернулся и заметил, как Сиенна отползла дальше, прижимая к груди простыни.

Она была напугана, и я так сильно возненавидел себя.

Я испугал ее. Я напугал своего ангела.

— Прости, — успокоившись, сделал шаг и остановился, — Просто скажи мне, почему ты тут?

— Я...это было ошибкой. Я отказываюсь обслуживать тебя. — внезапно Сиенна спустилась с постели.

И только тогда заметил, как ее босые ноги были покрыты гематомами и ссадинами из-за пуант. Она вслепую пошла прочь. Я не успел среагировать, как она напоролась на осколки, наступила на них, и закричав от боли, стала падать.

Я сорвался к ней, схватил за локоть и потянул обратно к кровати.

— Боже, это стекла, — едва сдерживая слезы, Сиенна коснулась своей пятки и стерла кровь с пореза. Он был не глубокий, царапина, но боль явно доставляла.

Только тогда понял, что касаюсь ее. Конечно с перчатками, с этим у меня не было проблем. Но даже это соприкос-

новение прожгло меня насквозь.

Возьми себя в руки, Алекс.

Она достойна лучшего отношения к себе.

Сделал глубокий вдох, встал и сказал:

— Подожди, я принесу аптечку.

Люмина смотрела на меня с подозрением, пока я искал аптечку.

— Я не знаю, как на это реагировать. — ответил змее, — Не смотри так осуждающе.

И это было правдой. Два дня я жил мыслями о ней. Попросил Деклана навести справки. Я хотел действовать по плану. Красиво преподнести наше знакомство. Но все пошло не плану. А я ненавижу такое больше всего.

Наконец найдя аптечку, подошел к Сиенне, все еще сидящей с повязкой на глазах. Уверен, ее предупредили, что я важная персона, и она не должна видеть моего лица.

Я опустил на одно колено и крепче сжал перчатки, словно напоминая себе о границах. Осторожно взял ее за щиколотку и поставил на свое бедро. Аккуратно обработав рану, в конце приклеил пластырь.

А потом поднял взгляд на ее губы. Приоткрытые, покусанные от напряжения. Каждый ее тихий выдох будто касался моей кожи. Я ловил себя на том, что готов украсть хотя бы крошечную часть этого воздуха. Просто чтобы почувствовать, что значит коснуться ее, пусть даже так.

— Хочешь уйти? — голос предательски дрогнул, будто

прося не уходить.

Сиенна сжала пальцами простыню и сглотнула, прежде чем ответить.

— Хочу, но я должна...

Несмотря на страх и напряжение, Сиенна не была слабой. Я видел, как она пытается выровнять дыхание, удержать в руках свое достоинство, не позволить себе выглядеть жалко или сломлено. В ней было что-то непокорное, что привлекало еще больше.

Я закрыл глаза и выдохнул, перебивая ее.

— Не должна. Ты никому здесь ничего не должна. Особенно мне.

Она вздрогнула.

— Тогда зачем ты так отреагировал?

— Потому что тебе не место здесь. — помотал головой, едва сдерживаясь, — Я не хотел напугать тебя. Но увидеть тебя здесь... дьявол, Сиенна, это свело меня с ума.

Сиенна молчала, я убрал руки, ведь долгое соприкосновение с ее кожей, пусть даже в перчатках, заставляло гореть изнутри. Встав с места, продолжал выискивать реакцию девушки.

Она меня не знала. И каким бы сильным не было желание сдернуть чертову повязку и предстать перед ней, я не хотел торопиться.

— Ты можешь поспать здесь, меня до утра не будет в комнате.

Сиенна взволнованно спросила:

— Ты отказываешься от моих услуг?

Я остановился на полпути к выходу.

Ну конечно. *Деньги.*

Только я правда не понимал. Она не была похожа на охотниц за деньгами. Совсем нет. Или я хотел в это верить.

— Услуг? — переспросил.

— Ну да, — кивнула Сиенна, сжав ткань своего платья,

— Ты не прикоснешься ко мне? — ее голос сошел на полусшепот.

Господи, она даже о сексе говорила так, будто это благословение.

— Просто побудь здесь и этого достаточно. Я оплачу за эту ночь.

Просто побудь здесь. Пусть мои простыни впитают твой запах.

Пусть эта комната станет твоим кровом, и я точно буду знать, что мечта всей моей жизни спала здесь. Хоть и не в моих объятиях, но совсем рядом.

— Когда время твоей смены закончится, мой человек отвезет тебя домой. Повязку можешь снять, больше ты меня не увидишь. В шкафу есть чистые рубашки, можешь взять для сна.

И силой воли, вышел из комнаты, крепко сжимая кулаки так, что ткань перчаток закрипела. Я сразу услышал, как Сиенна закрыла дверь на ключ и улыбнулся.

Глупышка, ведь этот замок ничего не стоит для меня, как и эти стены между нами.

Иди вниз, Алекс. Подальше от нее. Твердила часть меня.

Но другая. *Мы не можем упустить этот шанс.*

Остановившись в коридоре, повернул налево и открыл комнату своего кабинета. В самом центре находилось стекло. Полностью зеркальное, что открывала вид на мою кровать, там, где сейчас была Сиенна.

Я перестал дышать, когда снова увидел ее. Смотрел, как ее глаза исследуют комнату. Проходят по простыням, разбитому стеклу и останавливаются на зеркале. Она смотрит в свое отражение, понятия не имея, что заглядывает прямо в мою душу.

Я подошел к мини-бару, достал один из самых крепких виски, и пошел к креслу, стоящему прямо напротив зеркала. Налил себе алкоголь и сел в мягкое кожаное кресло.

Сегодня можно выпить. Иначе сойду с ума.

Я не спускал с нее глаз.

Она встала и, аккуратно ступая на цыпочках, перешагнула через осколки бутылки. Подойдя к шкафу, открыла его.

Ее губы приоткрылись в немом изумлении, и тут же сомкнулись.

Мой гардероб был слишком большим для одного человека. Подсветка вспыхнула мягким светом, обнажая ровные ряды рубашек, разделенных на два цвета — черный и белый. Пальцы Сиенны скользнули по ткани, следуя по идеальной

линии.

Это будоражило сильнее, чем должно было.

Словно осознав, что делает, она сорвала с вешалки белую рубашку и закрыла шкаф. Тяжело выдохнула. Затем подошла к кровати и начала раздеваться.

Я сделал медленный, жадный глоток. Вены на шее напряглись, когда она расстегнула молнию на платье, и нежная кожа открылась моему взгляду. Одевание медленно сползало вниз, заставляя меня гореть изнутри. Вскоре оно лежало у ее ног.

Ее тело было... господи, оно было идеальным.

Чуть худощавым, ей бы не помешало есть больше. Белое кружевное белье лишь подчеркивало изгибы. Светлая кожа, темные кудрявые волосы глубокого шоколадного оттенка. Резкий, сводящий с ума контраст. Длинные ноги с мышцами, годами, отточенными балетом.

Я сглотнул и сжал бокал крепче, не отрывая взгляда.

Белье она не сняла. Взяла рубашку, поднесла ее к лицу и вдохнула глубоко. Женские брови чуть приподнялись, и я невольно улыбнулся.

Если бы она знала, как отчаянно мне хотелось сделать то же самое, только с ее телом. Ноты ее парфюма все еще щекотали ноздри. Запретные, слишком сладкие. *Опасные*. Хотелось сохранить этот аромат, запереть его внутри себя, как собственность.

К счастью — или к несчастью — Сиенна накинула рубашку и начала застегивать пуговицы. Она была слишком вели-

ка, открывая линию груди и край кружева.

Аккуратно сложив свое платье, она снова осмотрелась и подошла к зеркалу. В эту секунду захотелось разбить чертову преграду, притянуть ее к себе, сжать так крепко, чтобы она почувствовала, как сильно я теряю контроль.

Но мне хотелось просто обнять ее. Прижать и почувствовать сердцебиение.

Сиенна сделала шаг ближе, улыбнулась своему отражению и поправила волосы.

Она любовалась собой.

А я — ею.

Она в моих владениях, и всерьез считает, что я пропущу возможность наблюдать. Стоит посреди моей комнаты, почти раздетая, думая, что здесь безопасно. Смотрит в зеркало, поправляя волосы. Не подозревает ни на секунду, что за отражением я.

Тонкая перегородка, зеркальное стекло, и ее дыхание, такое близкое, будто она дышит прямо мне в лицо.

Она думает, что одна.

Что может позволить себе расслабиться.

Что может обнажиться здесь, в моем доме, и я просто отвернусь?

Какая наивность.

Мне не нужно касаться ее, чтобы чувствовать каждое движение.

Я вижу все. Изгибы, тени, дрожь ресниц.

И если бы Сиенна знала, с какой жадностью я смотрел на нее сейчас, она бы либо сбежала, либо подошла ближе.

Но отпустить ее, не в моих правилах.

Резко встал, понимая, что теряю контроль над собой. Подошел к зеркалу, и прислонил голову к стеклу, глядя в упор на Сиенну. Она понятия не имела, в логово какого зверя вошла. И не знала, кому в глаза заглядывает сейчас.

Она застыла, словно почувствовав энергетику зеркала. Немного нахмурилась, а потом подняла руку в мою сторону и тихонько постучала пальцем по поверхности, а потом тихо рассмеялась.

Я был готов пустить этот смех по своим венам.

— Глупышка, — прошептал, закрывая глаза и пытаюсь дышать легче.

Сиенна отвернулась и зашагала к постели. Осторожно легла и укрылась.

Она долго не могла уснуть, час ворочалась, переворачиваясь с боку на бок, пока сон наконец не взял свое.

А я так и остался стоять у зеркала, боясь даже моргнуть, лишь бы не разбудить и не пропустить ни одного тихого, тонкого вдоха.

Ты сходишь с ума, Алекс. Приди в себя.

Оторвавшись от стекла, вышел из кабинета, направляясь в комнату Деклана в самом конце коридора. Я вошел, не постучав. За что удостоился осуждающего взгляда своего друга.

Он лежал на диване в одних спортивных штанах, с книгой в руках. Увидев меня, он захлопнул её и вопросительно приподнял бровь.

— Что не так?

Закрыв за собой дверь и посмотрел в карие глаза Деклана.

— Подготовил?

Деклан ухмыльнулся, присел, а потом потянулся к стакану воды. С тех пор, как он появился в нашем доме, он больше не прикасался к алкоголю, не употреблял и не курил. До церкви он пока не дошел, но, думаю, и это не за горами.

— Ты говорил, показать завтра утром.

— Нужно сейчас. — крепко сжимал ладони, с нетерпением ожидая.

Деклан покачал головой, не соглашаясь со мной.

— Если она тебе нравится, может, сначала попробуешь понять её суть, а не копать в личном деле?

Чертов святоша. Если бы он только знал.

Сиенна не просто нравится мне.

Я одержим ею.

Я хочу, чтобы она любила меня.

Думала обо мне.

Была моей.

Да, это трудно понять и объяснить. Ранее я никогда не был одержим кем-то настолько. Всегда реагировал на все холодно, ровно, спокойно. Наперед знал, какой шаг сделаю следующим. А здесь казалось, будто мои фигуры перестали под-

даваться мне.

Передо мной появилась королева, пусть пока пока лишь в роли пешки. И если эта партия не уничтожит меня, я уничтожу ее.

— Не испытывай мое терпение, Дек, — выдохнул я, — Мне нужно сейчас.

— Ладно, — пожал он плечами, оставив попытки вразумить меня, пошел к своему рабочему столу у окна и вытащил большую черную папку, — Здесь, — постучал он пальцем по поверхности, — От детства до нашего времени. В принципе, обычная девчонка. Девятнадцать лет. С трех лет занимается балетом. Мама бывшая балерина. Отец работает строителем. И есть брат, болен.

Я сел на диван. Деклан кинул всю информацию на журнальный стол.

— Болен? — пазл начал складываться.

Она не просто так пришла и согласилась на эту ночь.

— Порок сердца. Болеет с самого рождения. Было несколько операций, но сейчас требуется трансплантация. Недавно состояние ухудшилось. Что касается девчонки: она окончила старшую школу, никуда не поступала. По ночам моет полы в студии где занимается. У нее подруги есть из балетного класса и друг. Ее основное окружение.

Я потянулся к папке и открыл ее. Там было все: дата рождения, группа крови, родословная, информация о каждом человеке в ее окружении. Деклан буквально собрал все де-

вятнадцать лет жизни Сиенны.

Кивнув, закрыл папку, планируя исследовать все это.

— Об этом никто не должен знать. Особенно Дадео, — предупредил я.

— Обижаешь, Алекс, — подмигнул Деклан.

— Завтра нужно девушку в моей комнате отвезти домой. Адрес она скажет. Но обо мне ничего ей не говори.

При слове «девушка в моей комнате», Деклан подавился водой, что хлебал. Я уже встал и шел к выходу.

— Каллахан, ты головой не рехнулся?

— Спасибо идиоту Эймону. Я оторву ему яйца за такой подарок. — сжал челюсть и вышел.

Сиенна Дэлани, ты даже не представляешь, насколько сильно засела в моей голове. Но не бойся, я не дам тебя в обиду. Ты сама прибежишь в мои объятия. Я буду ждать тебя столько, сколько тебе потребуется.

Лиадан, наша горничная, разбудила нашу гостью и подготовила завтрак. Сиенна притронулась только к воде и орешкам. И когда наконец переоделась, я позвонил Деклану и тот повез ее домой.

Весь день проторчал в кабинете, исследуя жизнь Сиенны. Я буквально не ел, не спал и не пил, читая каждую строку. Пока в дверь не постучалась Лиадан.

Она была миловидной и высокой женщиной, следившей за нашим особняком и его жителями. На ней держалась вся

система дома, весь рабочий персонал. А еще... Лиадан заметила мне мать.

С тех пор, как мама слегла после смерти Ады, Лиа сделала все, чтобы достать меня из ямы, в которую я себя закопал.

— Господин, ваш Дадео ожидает на ужине.

Оторвавшись от чтения, помассировал веки и посмотрел на Лиадан.

— Дадео беспокоится, — улыбнулась она, и вокруг ее глаз появились мимические морщины, — Ты не выходил из кабинета целый день, сынок.

«Сынок». Она всегда обращалась ко мне с нежностью.

— Я буду на ужине, но приму душ.

Лиадан кивнула и уже было ушла, но остановилась на полпути.

— Алекс, — повернулась она, — Та девушка, что была здесь утром...

Очевидно она переживала.

Для многих сегодня было шоком видеть, как из моего особняка выходит девушка.

— Красивая, правда? — сам не понял, как на лице засияла улыбка.

Лиадан приподняла бровь, не узнавая меня. Я редко улыбался. И уж тем более говорил о девушках.

— Она как принцесса. Очень красивая и нежная. — согласилась Лиа, — Если она та самая, не обижай ее, Алекс.

Я несколько раз моргнул и наконец встал.

— Я лучше убью себя, чем обижу Сиенну.

Приняв душ и переодевшись, спустился в нашу общую гостиную, где стоял круглый обеденный стол. Ужинать вместе было обязательно. Дадео ждал меня за столом, поглядывая на свои часы. Он не любил, когда опаздывали, но я успел, пришел ровно в семь.

— Заждался? — приподнял бровь, глядя на него.

Дадео улыбнулся и опустил руки на колени.

— Я волновался, тебя не видно со вчерашнего дня.

— Были дела, — сел на свое место.

Дадео посмотрел на мои руки в перчатках. Краски сошли с его лица. Глаза опустились. Он делал вид, что накладывает себе еду, но я ведь видел чувство вины в его глазах.

Дадео не смог уберечь меня от своего же сына.

Убийство отца навсегда изменило мою жизнь. Я стал ненавидеть любые прикосновения. Все еще помню, как тогда побежал в ванную и стал оттирать кровь отца со всего тела и выплевывать ее изо рта вместе с рвотой.

Я тер кожу до крови, а горячая вода оставляла ожоги. Так продолжалось, пока в ванную не ворвался Дадео. Он вытащил меня из-под горячей воды, и я потерял сознание в его руках.

Больше я ничего не помнил. Проснулся спустя несколько дней, и найдя потертые перчатки Дадео, надел их и больше без этой вещи не ходил.

Дело было не только в руках. Я не выносил любое прикосновения к своему телу. Даже через преграды вроде ткани чувствовал дискомфорт.

— Дела — это девушка? — разрезав утку, Дадео вопро- сительно прищурился. — Вчера в особняке до утра была де- вушка.

Конечно, от него ничего не скрыть. Да и Эймон наверняка даже не старался, когда решил сделать мне такой подарок на день рождения.

— Ничего особенного, — пожал плечами, — Как пришла, так и ушла. — наполнил салатом тарелку, — Как проходят дела с передачей товара? — поменял тему.

Ему необязательно знать о Сиенне. Я сделаю их встречу более официальной.

Дадео кивнул, прожевывая мясо.

— Итальянцы согласились поставлять нам товар с оружи- ем. Нужно будет поднять этот разговор на совете.

Я мысленно чертыхнулся. Ненавидел наш совет. Откро- венно говоря, это сборище нудных стариков, которые видели во мне конкурента. Они считали меня ребенком, недостой- ным стать наследником.

Особенно выделялся дядя Оушен. Я знал, что он хотел сделать. В его сыновьях, хоть и частично, текла кровь Кал- лаханов. Он хотел выделить их на фоне меня, хотя у него это слабо получалось.

Пока у меня нет наследников, клан не был во мне уверен.

Поэтому последние три года Дадео то и дело пытался найти мне невесту. Но наши мнения в этом вопросе расходились. И при огромной любви к нему, иногда мне хотелось просто послать его к черту.

— Думаешь, они будут довольны? Уверен, дядя Оушен поднимет бунт.

— В любом случае, мы должны укрепить связь с Итальянцами.

— Через свадьбу? — усмехнулся я, — Перестань, все мы знаем, что это уже не работает так.

— Тебе нужна жена, Алекс. Когда ты займешь мое место, рядом должна быть та, что станет твоей опорой и подарит продолжение твоему роду. Уверен, у Даниэля найдется хорошая кандидатура для тебя. У его приближенных есть...

— Не продолжай, — сжал челюсть, оставляя приборы. Аппетит пропал.

Дадео резко посмотрел на меня. Не любил, когда я приказывал.

— Не обязательно прикасаться к...

— Если разговор пойдет так дальше, я поужинаю в другом месте. — закончил я.

Дадео понял, что не стоит продолжать и просто перешел к обсуждению других дел клана. Мы прошлись по тому, что стоит провести дополнительный контроль в подпольных заведениях и «Белой змее».

Также говорили об открытии казино в этом году. Дадео

спросил, как продвигаются дела с театром. А потом перешли на рассказы о моем несносном характере в детстве, и обстановка стала легче.

Я не притрагивался к краскам с момента, как закончил портрет Ады. Но сейчас яро нуждался в этом.

Мастерская находилась в самом конце крыла особняка. Там меня встречали панорамные окна, открывающие вид на атлантические воды и на задний двор нашей территории.

Я раздвинул все занавески, впуская свет. Снял пиджак, туфли и носки. Засучив рукава, вступил на пол, застеленный пленкой.

Именно здесь я мог быть собой и посмотреть страху в глаза. Осмеливался снять перчатки и по-настоящему чувствовать. Кисти и мольберт были моим откровением. Моей исповедью.

Я долго глядел на пустой холст, думая с чего начать.

Что писать? Я так долго сюда не входил.

Пальцы играли с кистью, пока не набрал краску и не провел одну лишь линию на белом холсте.

Именно тогда я задышал полной грудью. Тело стало единым целым с картиной, которую я начал. Запах маслянистых красок дурманил разум. Краски пачкали руки, я ощущал их на своей коже, и это соприкосновение не вызывало у меня страх. Наслаждался тишиной, изредка глядя, как за окном бушует море.

Я не мог остановиться. Картина сама просила меня ее написать. Не понимал, к чему все ведет, пока не увидел, что получилось.

Передо мной явились ее глаза.

Карие, с маленькими темными крапинками. Живые, полные надежды. Они поглощали тебя всего, пока ты смотрел на них.

Я написал только глаза. Но этого хватило, чтобы понять, кому они принадлежали и насколько я влип.

Она смогла добраться до глубины моего сознания, раз пробралась в мастерскую и оказалась на моем холсте.

Я отошел от мольберта. Всмотривался, а потом упал на колени и рассмеялся.

Сиенна Дэлани, что же ты со мной сделала?

Глава 4

Сиенна Дэлани

— Сиенна? — стук в дверь заставил вздрогнуть.

Я смотрела на свое отражение, вспоминая прошлую ночь. По коже побежали мурашки. Я не знала ничего. Ни место, где была. Ни мужчину, который не прикоснулся ко мне. Ни мотивацию его действий.

Я помнила только его голос.

И запах. Такой приятный холодный аромат одеколona.

От него тело словно покрывалось льдинками, а инстинкт самосохранения кричал бежать. Как можно дальше. Он знал мое имя. Мог ли знать где я живу?

— Дочка, ты в порядке? — постучались ещё раз, и я окончательно пришла в себя.

Накинув плащ, побежала открывать дверь в свою комнату.

На пороге стоял папа. Рабочая, потрепанная одежда, уставшие, но по-прежнему теплые глаза и мозоли на руках. Все это я заметила сразу и поспешно отвела взгляд, приказывая себе не плакать.

Жалость он чувствовал мгновенно. А он ее ненавидел. Говорил, что ради семьи готов на большее, чем может вынести.

— Я ухожу, ночёвка у Мариссы, — тараторила, как можно лучше скрывая ложь.

Папа нахмурился, но я нарочно захлопала ресницами. Этот прием всегда работал. Он сдался, улыбнулся и подставил мне щеку. Я заулыбалась, словно снова стала маленькой папиной дочкой, которая не могла уснуть, не поцеловав его на ночь. Приподнявшись на носочки, оставила быстрый поцелуй и побежала прочь.

— До завтра! — бежала как можно быстрее, нервно сжимая ремешок рюкзака. И шагала громче, чтобы папа не услышал, как я шмыгаю носом в надежде остановить слезы.

Я соврала ему первый раз в жизни.

У меня никогда не было секретов от него. Маме я могла запросто выдать ложь. Но папе — никогда.

Его дочь шла продавать свое тело. Ломать свою жизнь, чтобы наш Финн выжил.

Папа бы сломался, узнав об этом.

Я долго смотрела на входную дверь клуба, будто надеялась, что она решит все за меня. Едкий табачный дым от курящих у входа ударил в нос. Я сильнее затянула ремень плаща, прижала рюкзак к груди и свернула к заднему выходу.

Один из охранников окинул меня коротким, оценивающим взглядом. Я прошла мимо, чувствуя, как за спиной захлопывается дверь, отсекая улицу и последний шанс передумать.

Длинная лестница вела вниз, в подвальное помещение. В огромной отдаленной комнате ждали все... язык не поворачи-

чивался назвать их, боже, нас — шлюхами.

Это не было дешевой проституцией. Девушки отбирались строго по правилам. Не курящие, не наркоманки, до тридцати лет, без детей и семьи. Мужчины тоже были только с хорошим кошельком. Не иначе.

Здесь все пропитано богатством, роскошью и гребаным эскортом. Дорогое шампанское, брендовые вещи и персонал, который обслуживал клиентов, как если бы каждый из них был неприкосновенной элитой. Хотя это и есть так.

Я зашла в примерку, готовясь к своим заказам, и сразу почувствовала колючие взгляды других девушек. Я была новенькой, и они пытались понять, что из меня выйдет. Но я не собиралась показывать слабость. Улыбнулась каждой, прошла к своему зеркалу и с выдохом поставила свой рюкзак на стол.

С облегчением увидела Мариссу. Она подошла ко мне в красивом обтягивающем платье.

— Ну? Как прошла вчерашняя ночь? — подруга коснулась моей руки. На ее лице не было улыбки, только искреннее переживание. — Ты не отвечала на мои звонки.

— Нормально, — больше нечего было ответить.

— Нормально? — приподняла бровь Рисса, — Я слышала, что клиентом был сын Мэра — Эймон Тирнан.

Я остановилась. Эймон? Нет! *Это не он.* Эймон был моим одноклассником в старшей школе. Мы не были близкими друзьями, но я с уверенностью могла сказать, что это был не

он.

Голос, который я помнила до малейших деталей совсем не подходил внешности Эймона. Немного рыжеватый, с яркой улыбкой и зелеными глазами, как у лиса.

Не может быть.

— Я не видела клиента, — сняла плащ, оставаясь в теплых леггинсах и огромной толстовке, — Ничего не видела.

Марисса стиснула мою руку крепче.

— Такое часто просят клиенты, когда не хотят раскрывать свои личности.

Девочки собирались к смене, а мои руки словно были закованы цепями. Не были готовы к тому, чтобы наряжаться. Сейчас я жалела, что прошлую ночь не прошла через это. Сегодня мне не избежать того, на что я подписалась.

Поставила подпись, как положено.

Почти час ушел на то, чтобы стилист уложил волосы, сделал макияж и подобрал образ. Волосы мне уложили волнами, макияж совершенно естественен, просто нанесли тушь, румяна и подкрасили губы блеском. А платье выпало фиолетового оттенка. Облегающее бедра, с разрезом по бокам и практически не скрывающая грудь.

Я стояла напротив своего отражения. Пыталась дышать. Но грудную клетку сдавило. Такое ощущение, будто ребра сломали и кости впиваются в легкие, заставляя задыхаться.

В моих подкрашенных глазах не было даже слез. Ни капли. Просто принятие. Глубокое, отчаянное и тихое приня-

тие.

Я спасаю Финна.

Мои мучения ничего не стоят по сравнению с мучениями, которые ждут меня без него.

Когда девушки были готовы, к нам вошел администратор и управляющий клубом. Люк, как его здесь все называли, был мужчина лет тридцати, с волосами, выкрашенными в красный оттенок, с пирсингом в носу и черными ногтями. Необычный, однако, стиль.

Он глубоко вздохнул, оглядывая всех и театрально закатив глаза, когда увидел, что одна из нас еще не закончила.

— Детка, ты должна быть готова уже как пять минут, — цокнул он, совсем нежно. — Так, остальные? — его взгляд остановился на мне и Люк улыбнулся, — Как делишки, солнце мое?

Я вцепилась в спинку своего стула.

— Это Сия, — представил он меня тем именем, которое мы выбрали, — Вчера вы не смогли познакомиться, но теперь она в нашей команде.

Девушки улыбнулись. Кто-то даже подошел и обнял меня.

— Сегодня ее первый вечер в зале, поэтому помогите бедняжке найти клиента. — подмигнул мне Люк, — Ты отлично справляешься. Предыдущий клиент подкинул щедрые чаевые. Ты получишь больше обычного, — Люк гордился мной и раздав некоторым индивидуальные заказы, вышел, выпуская нас.

Я сглотнула, вспомнив того самого парня с вчерашней ночи. Он не прикоснулся ко мне, но дал щедрые чаевые? Все это было слишком странно. Любой другой воспользовался бы возможностью, а этот дал столько денег за то, что я спала в его постели. Еще и отправил меня со своим водителем.

Марисса оказалась рядом, схватив меня за локоть, натянула широкую улыбку и повела в зал.

— Улыбайся, Си, это важно, — подмигнула она.

Через силу натянула улыбку. Темный, окруженный приглушенным неоном зал, встречал нас прохладой кондиционеров и оценивающими мужскими взглядами.

Удивило меня то, что здесь была живая музыка.

Не было потных тел. Только элитный отдых, где ты покупал все за деньги. Люди не приходили сюда оторваться, они хотели показать свой статус, свою власть над всем. Женские тела были лишь частью этого спектакля власти.

Пол под туфлями сверкал холодным блеском. В центре барной стойки расселись несколько мужчин, внимательно оглядывая нас. Марисса смело подкидывала им красноречивые взгляды, а я шла рядом, не сводя глаз с комнаты, ища, куда спрятаться. Тело кричало бежать, не оглядываясь, но совесть не позволяла этого сделать.

Вокруг всего зала тянулись VIP-кабинки, отделенные друг от друга дорогими люксовыми занавесками. В каждой нише стояли бархатные диванчики и столики для напитков. Но внимание привлек серпентарий. Прямо посреди клуба.

В нем извивалась и шипела белая змея. И сейчас она будто смотрела прямо на меня своими черными глазами.

Я вспомнила утро сегодняшнего дня. Когда исследуя комнату своего клиента, наткнулась на такую же змею. Только она была в разы меньше. Было ли это как-то связано?

Марисса подтянула меня к столу, буквально вырывая из размышлений. Она повела нас в одну из VIP-лож, где нас встретили двое мужчин.

— Приветтики, мальчики! — поиграла пальчиками Рисса, и подобно властной кошечке скользнула на колени мужчине с сигарой в руке.

Подруга взяла дымящуюся сигару и затянулась.

Не понимаю, как я не могла видеть этого в Мариссе раньше?

Пока Рисса соблазняла клиента, кто-то потянул меня за руку, и я упала прямо на диванчик к парню, лет двадцати пяти, с короткой щетиной и русыми волосами. У него была приятная внешность и пах он достаточно хорошо.

Я улыбнулась, применив все свое обаяние и скользнула рукой по его бедру. Профессионалом в сексуальных делах меня не назвать. Я не была девственницей и точно знала, как доставить ему удовольствие. Но, черт, извините, до этого мне не приходилось продавать свое тело.

Парень накрыл мою руку своей и улыбнулся в ответ.

— Новенькая?

Я аккуратно кивнула. Его карие глаза засверкали. Конеч-

но, новый «товар» был вкуснее всех давно испробованных десертов. Он приподнял мою ладонь к губам и оставил поцелуй на ее тыльной стороне.

— Пойдем? — это совсем не вопрос: он уже тянул меня к длинному коридору с множеством дверей. Марисса подмигнула мне, а я растворилась в потоке, пока мы не дошли до нужной комнаты. Парень открыл ее своей ключ-картой, и мы вошли внутрь.

Вокруг пахло чистым постельным бельем и ванилью. Окон здесь не было. Простые стены, мягкое фоновое освещение, дверь в душ и кровать прямо в центре.

Не успела моргнуть, как дверь была заперта, а клиент резко притянул меня к себе и обрушил свои губы на мои. Я пыталась дышать и не зажиматься, отвечая на поцелуй. *Черт, слишком слюняво.* Не успела оглянуться, как он уже толкнул меня на кровать и возвышаясь надо мной, снял свой ремень.

Он жадно оскалится. Мне стало жутко. Его лицо было слишком ненасытным, а в глазах мелькала жестокость. *Нездоровая херня.*

— А теперь красавица, подставь мне свою красивую задницу. Я сглотнула.

— Я на такое не даю согласие. Давай обговорим детали. — поднявшись, стала спускаться с кровати, но парень толкнул меня на простыни и навис сверху, заполучив мой рот.

Он так сильно укусил мою губу, что пошла кровь. Мерзавец сжал мою шею, и меня накрыла паника. Я вцепилась

в него обеими руками, но это мало помогло. Слезы покатились из уголков глаз, изо рта вырывались неразборчивые ругательства.

Мои ноги были прижаты весом ублюдка.

— Я плачу деньги, малышка, и ты выполняешь все, что мне потребуется. Если я хочу выпороть тебя до крови и заставить задыхаться своим членом — ты послушно подставишь свою привлекательную попку и раскроешь ротик. — прошипел он.

Когда урод отпустил меня, чтобы перевернуть на живот, я успела толкнуть его так, что он свалился на пол. У меня было несколько секунд, чтобы побежать к двери и нажать на кнопку, оповещающую, что мне нужна помощь.

— Я могу отказаться от такого вида секса, черт возьми! — закричала в его сторону.

Он уже встал, схватил меня за волосы и прижался пахом, зверски усмехаясь.

— Только сильнее возбуждаешь своим сопротивлением, — его неровное дыхание неприятно обжигало кожу. Мерзкие пальцы поползли по разрезу платья и добрались до моего белья.

Он надавил на мой центр, но это доставило лишь боль, и я закричала.

— Кричи, мне нравится. — смеялся он.

Кровь из разорванной губы текла теплым ручейком по подбородку, вперемешку со слезами.

Все это было ошибкой. *Все это*. От начала до конца.

Тело так устало сопротивляться. Он кинул меня прямо на пол и стянув мои трусы, бесцеремонно начал лапать. Я кричала и плакала, ведь на большее сил просто не хватало.

Я услышала, как он расстегивает ширинку.

— Помогите!

Вряд ли кто-то услышит мои крики среди стонов и песен вокруг.

Лицо твари поднялось к моему. Набрав слюну с кровью плюнула ему прямо лицо. Парень резко отвернулся, но не отпустил.

— Гребаная шлюха! — прорычал он, замахнувшись, и пощечина оглушительно прилетела по лицу. Кровь на губе выступила с новой волной боли.

И внезапно слышу громкий выстрел. Чувствую брызги теплой крови на лице. В растерянности слежу за тем, как тело ублюдка бьется в мучительных конвульсиях, и понимаю, что у него прострелено ухо. Больше половины мочки просто нет.

Действуя мгновенно, отталкиваю его и ползу назад. У порога стояли две мужской фигуры. В темноте, на эмоциях, я не различаю деталей. Только вижу, как один из них хватается моего клиента за шиворот и уносит прочь.

Я осталась наедине с другим мужчиной.

Он был высокий, в длинном плаще. В руках, облаченных в кожаные перчатки, блестел серебряный пистолет, источа-

ющий запах пороха. Я ползла назад, не смея отвести взгляд, и не понимая, чего ждать. Светлые волосы цвета металлик поблескивали в темноте, а серые глаза оставались ледяными, будто минуту назад он и не лишил человека половины уха.

— *Сиенна*, — мое имя с его уст вылетело подобно молитве.

Я уперлась телом в кровать, понимая, что бежать некуда. Незнакомец подошел ближе, сел на корточки и коснулся моего подбородка левой рукой. Это действие было осторожным, словно он боялся, будто я — хрупкий фарфор.

Кожа его перчаток холодила лицо. Он оглядел мою разорванную губу, закрыл глаза, как если бы ему было трудно дышать при виде этого. Потом снова открыл их и осторожно провел большим пальцем по моему подбородку, стирая кровь, поеживаясь от этого вида.

Я молча следила за каждым движением. Была настолько потрясена, что не знала, бежать или кидаться в его объятия.

Откуда он знал мое имя? Что еще ему обо мне известно?

— *Сиенна...*, — мужчина убрал пистолет в кобуру, стянул с себя плащ и накинул на мои плечи, — Больше никто не сделает тебе больно.

Он пах так знакомо. *Так... этот запах*. В моих глазах читалось узнавание. Я напряглась. Но мужчина с легкостью поднял меня ноги и посмотрел внимательно.

— Доверься мне. Я не твой враг, *Сиенна*. Я последний, кто причинит тебе боль, *Meavita*.^{*}

Наверняка, я была в потрясенном состоянии, а возможно вообще потеряла способность здраво мыслить. Потому что в следующую секунду, когда он взял меня за руку, я позволила ему это.

Музыка уже не играла. В коридорах было тихо. Все клиенты и девушки стояли в зале, глядя на то, как меня уводят. А я понятия не имела кто он и что делает.

Меня вывели из клуба. Открыли передо мной дверь дорогого ретро-Мустанга в бордовом оттенке. Я скользнула в кожаный салон прикрываясь плащом, словно он мог спасти меня от произошедшего только что ужаса. Незнакомец сел за руль и дал по газам. Машина ехала так быстро, будто водитель вымещал всю свою злость, нажимая на газ.

А я вжалась в сиденье, не могла понять, почему я доверилась ему? Тому, кого не знала от слова совсем. Почему сердце успокоилось, когда он заговорил в той комнате?

Дорога привела нас в Хоут Кифф Уолк. Это склон у моря, принадлежащий самой богатой и тайной семье нашего города. *Каллаханам.*

И когда машина остановилась, я перевела взгляд с моря на парня. Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида. Его серые глаза напоминали темное, тучное небо, что всегда предвещало дождь, шторм и ураганы.

Я знала о семье Каллаханов только по слухам. Их род обосновался в Дублине много лет назад, обладая старинным имуществом и крупными деньгами. Эти слухи приписывали

им связи с мафией: наркотики, оружие, проституция и прочие темные дела приносили им власть и богатство.

Мне в это едва верилось: на дворе двадцать первый век, а мафией сегодня разве что в кино занимаются. Ну или если вы ждете «Крёстного отца» прямо на углу. И все же Каллаханы оставались спонсорами театра, открытого нашим мэром. Я помню, как девочки шептались о наследнике семьи, который в день открытия впервые появился на сцене, показав свое лицо.

Теперь, осознав, кто, вероятно, сидит за рулем, я резко дернула за ручку, но та оставалась неподвижной.

— Открой дверь, — взгляд бегал от ручки машины к глазам в зеркале.

Мужчина не двинулся. Так и сидел, держась за руль.

— Только при условии, что мы поговорим.

— Я тебя не знаю.

Возможно, я встречала его где-то раньше, но точно не знала о нем ничего, кроме предположений.

Он перевел взгляд вперед, на маяк, сейчас горящий и освещающий темные воды атлантического океана. Я поймала себя на мысли, что не так давно думала о том, что очень хотела посмотреть виды отсюда, и жалела, что это частная территория, а сейчас я здесь, но больше всего мне хотелось бежать. Далеко и не оглядываясь.

Его губы были тонкими, аристократичными, мужественными. Они потянулись в холодной улыбке.

— Зато я о тебе многое знаю, Сиенна Дэлани. — спокойно прошептал он.

Я сглотнула, снова попытала удачу выбраться. А потом почувствовала злость, разливающуюся по телу, затмевавшую даже страх и любое чувство самосохранения.

— Разблокируй, — прошипела, сильнее дергая за ручку, — Сейчас же! — сжав ладони в кулак, стала бить по стеклу, но парень оставался равнодушным.

Он смотрел на меня горящими глазами, словно ему нравилось, как я бьюсь здесь, как бабочка, попавшая в ловушку и ударяющаяся о стекло, в тщетной попытке выбраться.

— Я открою дверь сам, — наконец он вышел, и воспользовавшись разблокировкой, выбежала из машины и бросилась, куда глядят глаза.

После дождя земля была скользкой. Туфли утопали в траве и мягкой почве. Но я продолжала бежать, пока не поняла, что в ловушке. Я вышла на склон, а дальше был обрыв. Резко затормозила, едва удерживая равновесие. Один неверный шаг и мое тело станет одной из жертв этих скал.

Сердце бешено отбивало ритм, руки дрожали, а глаза слезились от сильного ветра, который цеплял мою одежду, словно пытаясь затянуть меня в свои объятия, несмотря на сопротивление моего тела.

Повернула голову. Мужчина просто прислонился к автомобилю, скрестил руки на груди и смотрел на меня. Свет маяка осветил его, показывая роскошный вид. Дорогие заост-

ренные туфли, грешно облегающая его тело черная водолазка, и брюки такого же оттенка.

Я сглотнула. Прыгать ли мне или пойти в неизвестность?

Ты сильная, Сиенна.

Он не тронул тебя вчера, ведь правда?

Значит и сегодня все будет хорошо.

Подол мужского плаща на моих плечах развевался, отправляя навстречу с волнами. Но я спустилась со склона и медленно пошла к мужчине. Он словно этого и ждал. Несмотря на бездушное выражение лица, его глаза, цвета шторма, искрились, словно я была ангелом, спустившимся с небес.

Я подошла ближе, но держала расстояние, все еще опасаясь.

— Извини, — сразу же выдал он, маняще улыбаясь, — Не хотел тебя напугать.

— Мне кажется, именно это ты и хотел сделать. Показать свою власть. Зачем? Ты спас меня от насильника, — в горле встал ком. Я все еще помнила весь ужас и то, как мочка ублюдка просто разорвалась на моих глазах. На моей шее и моем платье все еще оставалась кровь того ублюдка. — Теперь привез меня сюда. Но зачем?

Он хмыкнул. Его глаза смотрели прямо в душу. *Глаза в глаза.* Он словно пытался пробраться в самую глубь моего сознания. Почему же я ловила себя на мысли, что он любит меня мной? *Сейчас.* В таком состоянии. В крови чужого че-

ловека и с разорванной губой.

В чьи руки я попала?

Все это было плохой идеей. Я разорву контракт с клубом. Я уверена, бог даст мне больше возможностей. И Финн будет жить. Мы сделаем операцию.

Пожалуйста, если ты слышишь меня. Дай мне выход из этой ситуации. Дай мне возможность помочь Финну.

— Потому что хочу помочь, — ответил серьезно мой собеседник. — Я хочу помочь тебе, Сиенна.

— Это не похоже на помощь. Откуда ты знаешь мое имя?

— Разве я могу не знать имя той, что овладела моими мыслями? — он сделал шаг в мою сторону. Я тут же отступила. — Той, что захватила мои сны? Той, что стала моим сном, моими грезами и мечтами?

Еще шаг. И еще один. Я отходила. Он настигал.

— *Сиенна. Сиенна. Сиенна...*

Его зрачки расширились, а взгляд стал диким. Он вцепился в свои волосы и процедил сквозь зубы:

— В этой голове только твое имя. *Оно вертится, вертится, вертится.* Не дает мне покоя, Сиенна.

По телу прошлась мелкая дрожь. От холода или ужасного ветра — понятия не имела. Мой каблук столкнулся с камнем, и я начала падать. Ровно в этот момент, мужчина подхватил меня за талию и не дал упасть. Мы оказались слишком близко. Его дыхание касалось моих губ, но он словно опасался каждого моего движения, каждого прикосновения.

Но все же он продолжил, глядя прямо на меня:

— Ты забрала мой воздух, мой покой, мой сон, мой аппетит. *А я хочу забрать тебя.*

— Ч-ч-что?! — резко толкнула его в грудь и застыла, — Кажется, ты пьян.

— Я не пью.

— Значит, накурен, — тут же шикнула.

— Не курю.

Сердце билось все сильнее и сильнее.

— Значит... значит ты с ума сошел!

Он усмехнулся.

— Не спорю. С твоим появлением в моей жизни ты полностью завладела моим сознанием. Как только я взглянул на тебя.

— Это звучит ненормально, — в неверии рассмеялась я, — Я уйду, — попыталась уйти, но его рука крепко сжалась на моем локте и потянула назад.

— Не уходи, — в глазах его вспыхнула паника, — Не уходи..., — тише, почти одержимо прошептал он, прикрывая глаза.

Он словно пылал. Горел. Хотел податься к моему лицу, но не мог. Это причиняло ему боль; его пальцы крепче сжимались на моем локте.

— Чего ты хочешь? — сама не верила, что спрашивала.

Его уязвимость мгновенно сломала мою решимость.

Он открыл глаза. Серые. Такие чистые. Чистейший бушу-

ющий шторм. Потерявшийся, не знающий, куда причалить.
Заблудший.

— Хочу принадлежать тебе.

Его слова унес ветер и заставил их впиться в мою кожу, подобно иглам, на кончиках которых выступал яд. Он проник в меня, парализуя здоровый ум.

Почему же он привлекал мое внимание?

— Я хочу забрать твоё время, Сиенна. Семь дней. Семь ночей. И танцы, которые ты никому не показывала. Отдай их мне. Добровольно. Я хочу принадлежать этому. *Хочу принадлежать тебе.*

Я вовремя очнулась.

Это сумасшествие. Я даже толком не понимала смысл его слов. Он просил меня отдаться ему? Или просил меня принять его? Какое-то смешанное чувство.

Приди в себя!

Резко моргнув, окончательно оттолкнула его. Он позволил мне уйти. Я зашагала по тропе, когда получила в спину:

— Два миллиона долларов.

Ноги затормозили.

Два миллиона долларов.

Два миллиона...

Два...

«Доктора сказали, что все плохо. Нужна пересадка сердца. А стоимость операции доходит до двух миллионов долларов».

Я резко обернулась.

Мне не нужно было ничего говорить. Он понимал. Понимал, что нажал на самую болезную точку.

— Два миллиона долларов за семь ночей со мной, Сиенна. Кровь в жилах стыла, по спине бежали мурашки.

Мы смотрели друг другу в глаза долгие минуты. Парень подошел к своей машине и открыл дверь, словно давая мне выбор и одновременно отбирая его.

Слезы потекли по щекам. Но я держалась прямо. Не сказала ничего. Сделала неуверенный шаг, второй, третий, а потом более уверенно дошла до двери. *Молча*. Держа достоинство, которое купили за два миллиона долларов.

И остановилась.

— Как тебя зовут?

Жизнь настоящая сука.

Я даже не знала имени того, кому продала себя на семь ночей.

— Алекс, — склонил голову он в приветствии, — Алекс Каллахан.

Я сжала челюсть.

— Будь ты проклят, Алекс Каллахан, — ядовито процедила ему в лицо.

Он немного наклонился, чтобы ответить:

— Поверь мне, *Meavita*, проклятье из твоих уст звучит для меня как благословение.

Спустя несколько долгих минут в молчании, машина Алекса остановилась у моего дома. Мне так сильно захотелось броситься в объятия папы, чтобы он укрыл меня от всего зла.

Но я не могла.

Я спасу Финна. Моя жертва на семь дней ничто по сравнению с потерей нашей семьи.

— Собери вещи потеплее, возьми паспорт. — скомандовал Алекс.

Взгляд то и дело падал на его руки, лежащие на руле. *В перчатках.*

Я молча кивнула, вышла из машины и направилась в дом. На часах было три ночи. В такое время папа точно спал, ведь вставать на работу ему уже через час. Именно поэтому он не услышал, как я открыла дверь, даже если уснул в гостиной. Мамы не было, на журнальном столике стояла лапша быстрого приготовления и кружка остывшего чая.

Я захныкала, на самом деле желая разрыдаться, но закрыв ладонью рот, на цыпочках поднялась в комнату, достала свой рюкзак, кинула все, что могло попасться в руки. Паспорт, несколько теплых свитеров, белье и брюки.

Вырвала лист из тетради, села за туалетный столик и начала писать.

«Пап, все хорошо. Мне предложили работу за городом. Это не займет много времени. Я буду через семь дней. Прошу, не волнуйся. Финн будет жить»

Звучало нелепо. Уверена, папа поднимет тревогу, но он доверяет мне, а я обещаю себе, что вернусь.

Взяв письмо, спустилась к папе, тихонько подошла к нему и положила письмо на журнальный столик. Улыбнулась, смотря, как открылся от усталости рот папы, и он немного похрапывал. Наклонившись, оставила поцелуй на его лбу и побежала прочь, пока не передумала.

Машина Алекса все еще стояла возле дома. Я снова села на заднее сиденье.

Алекс говорил по телефону.

— Отправь по почте, Деклан, — он массировал виски, — Скажи ему, что я вернусь. Нет! Это поездка без тебя, дружище. Я взял их собой, прошу, не переживай. Это всего семь дней.

При последнем слове его глаза посмотрели на меня, словно подчеркивая дни моего плена. *Что меня ждет?*

Я не знала об этом человеке ничего. Он был опасным. Холодным. Станным. *Пугающе привлекательным.*

— Куда ты меня везешь?

Машина двинулась с места.

— Туда, где нас никто не найдет, *Meavita*, — последнее слово точно было сказано на латыни, которой я не владела, — Там, где ты поймешь, что для меня значишь.

Алекс включил радио. Заиграла классическая музыка, которая плавно уносила меня в сон. Но рядом с ним я ни на секунду не смыкала глаз.

На посадочной полосе нас ждал самолет.

Черный самолет. Матовый и такой красивый.

Нас встретила бортпроводница. Я почувствовала запах роскоши. Дорогая, натуральная кожа, несколько комнат, туалет и ванна. Тут было настолько шикарно, что на секунду я просто разглядывала все, ведь видела такое лишь в фильмах, при том очень редко.

— Проходи, — Алекс указал на кресло у окна, и я медленно уселась в него, смотря в иллюминатор.

Над Дублином висела мгла. Темнота. Звезды. Я смотрела, как Алекс усаживается в кресло напротив, обитое коричневой кожей. Его взгляд пробирал до костей, вызывая мерзкие мурашки. И он даже не моргнул.

— Почему так смотришь? — прищурилась я, — Твой взгляд полон безумия, Каллахан.

— Как и твой, *Meavita*. — подмигнул он, — Запомни этот день. Сегодня началась наша история.

— История? — сжала кулаки на подлокотнике, едва справляясь со злостью, — Какая история?

— *Naec est historia amoris nostril.*^{1*}

Я сжала кулаки и подумала: если это начало нашей истории, то конец может быть куда страшнее, чем я себе представляю.

¹ * Латынь. Это история нашей любви.

Запись III

Запись III

Как ты могла, мой прекрасный хаос...

Как ты могла посмотреть на него?

Этот ничтожный, пустой мужчина, который даже не понимает, сколько в тебе огня. Он смотрит на твою улыбку, и думает, что она принадлежит ему.

Глупец.

Ты — моя.

Каждой чертовой клеточкой.

Ты дышишь, и я слышу. Это дыхание принадлежит мне. Ты говоришь, и я отвечаю, даже если ты этого не замечаешь. Не слышишь.

И сейчас, даже с ним, ты все равно принадлежишь мне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.